

Анатолий Дерягин

Змей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анатолий Владимирович Дерягин

Змей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72436831

SelfPub; 2025

Аннотация

Убить дракона. Спасти напарника. Сделать что-то правильное – и оказаться на планете с райским названием, но не райской жизнью.

Убить. Спасти. Сделать что-то правильное.

Анатолий Дерягин

Змей

Глава 1

Полоса отчуждения заросла папоротником. Вездесущую зелень жгли, стригли, травили химикатами – ничего не помогало, на следующий день выжженное поле наполнилось ярко-зелёными побегами, тянущими нежные листья к солнцу. Оставлять их без внимания никак не получалось: безобидная зеленушка за считанные дни превращалась в настоящий папоротниковый лес, угрожающий корнями вскрыть железнодорожную насыпь, сплетением жёстких ветвей задержать локомотивы, тянущие цистерны с Бункера. Вот и мучились.

Палило солнце. Полуденные лучики играли на широких листьях пальмы-смолянки, стеной подступившей к полосе отчуждения, на нежных побегах папоротника, на чешуе драконов, спаривающихся прямо на железнодорожных путях...

Две туши в пылу брачной игры вырвали бетонные столбы и намотали на себя ограждение, остановившись на самой нитке, по которой вот-вот должен пройти трудяга-тепловоз. Два шишкохвоста, две туши под тонну живого мяса каждая. Хвост с шипом на конце – шип не ядовитый, как у фригуселии, просто костяной нарост, автомиметизм – слоноподобные ноги с рудиментарными когтями, метровая в длину и в

обхват шея, зубастые пасти со смешным мясистым отростком на верхней губе – сложный орган, отвечающий за осязание-обоняние, чувствительный к ультразвуку. Самец навис над самкой, вцепившись зубами в шею. Время от времени брачующиеся издавали довольное уханье.

За любовной игрой двух страшилищ наблюдал наряд егжей, оставивших свои квадроциклы на грунтовке, идущей параллельно рельсам.

– Красавцы, – изрёк старший.

– Викторыч, надо их растаскивать, – оглядываясь назад, туда, где за деревьями скрывался зев тоннеля, сказал Джим.

– Ну надо, – отозвался старший.

– Ну... давай, – Джим перехватил шокер.

– Давай, – согласился Викторыч. – А как?

– Что как?

– Растаскивать как будешь? – спросил старший.

– Ну... не знаю... – промямлил Джим.

– Вот и я не знаю, – вздохнул Викторыч.

Джим умолк. Анатолий Викторович Бахрушев знал флору и фауну Муррома как свои пять и знаниями делился с молодым поколением, читая лекции в Институте. Если уж он не знает, что делать – никто не знает.

– Сейчас начальство закричит, – вздохнул Трай.

Он переступил с ноги на ногу, пожевал полными губами и так топтался, вздыхал и вытягивал губы трубочкой до тех пор, пока в наушниках не раздался голос Микеля:

– Викторыч, ну что у вас?..

Старший смены прекрасно видел, что: над просекой жужжал дрон, на шлеме у каждого егеря крепилась камера, на комбинезоне в комплекте НАЗа – другая, камеры стояли на квадроциклах, где-то на орбите кружили многочисленные спутники... «Что вы собираетесь делать?» – вот что спрашивал Микель.

– У нас два архетрикса в брачном периоде прорвались через ограждение, – скучающим голосом изрёк Викторыч.

– Что?!

– У нас два шишкохвоста трахаются на рельсах, – повторил Бахрушев.

– Убирайте их, – прогремел Микель. – С Бункера тепловоз поднимается.

– Не можем, – сказал на это Викторыч.

– Это как это – не можем?..

– Два архетрикса в разгар брачных отношений это где-то пятнадцать тонн на двоих. Если мы задействуем шокеры они занервничают и начнут метаться по всему лесу. Нас стопчут, ограждение снесут... Экземпляры крупные, я думаю, даже тепловозу не поздоровится.

– Что будем делать? – Микель сбавил обороты.

– Либо ультразвук с дрона, либо санкция на отстрел, – прозвучало в ответ.

– Ничего не выйдет, – ответил старший смены, – на них метки, наши защитнички уже в Управлении... Ребята, я при-

держу тепловоз минут на пять, больше никак. Надо убирать скотину.

Бахрушев оглядел подчинённых, навешанную на них амуницию; бросил взгляд на технику, замершую поодаль.

Зелёнку патрулировали вчетвером. Четыре егеря в фототропных комбинезонах, шлемы с системой связи, лёгкие ботинки. Одежда и обувь с системой терморегуляции, иначе в поле делать нечего. Запас воды, немного еды. Репелленты от насекомых, очень кусачих и вредных. Два квадрака. Из оружия шокеры и по дробовику на экипаж. Шокеры, длинные, похожие на копья, всегда при себе, огнестрел принайтован на квадроциклах.

– Ну, есть вариант, – сказал наконец Викторыч.

– Так, – подбодрил его Микель.

– Но если сорвётся – будем стрелять.

– Я докладываю начальству, что задержка устранена, – сказал старший. – Вы уж постарайтесь без эксцессов.

И отключился.

– Змей, – окликнул Бахрушев одного из своих, высокого ладного парня в поношенном комбезе. – Ты хвастал как-то, что по малолетке яйца воровал?..

Егеря заулыбались.

– Ну... вроде того, – ничего он не хвастал, просто Бахрушеву нужен был водитель-каскадёр. – Давно дело-то было...

– Отлично, – кивнул старший, – давай на конь, бери... Джима бери. Подъедешь под нос к этим ребятам, тормоз-

нёшь, Джим ткнёт шокером в эту пипку на губе – и ходу.

– Может, они так разойдутся? – спросил Трай.

Бахрушев посмотрел на часы. На небо.

– Нет, – огорошил он подчинённых, – ещё минут сорок они так стоять будут. Столько у нас нет. Давайте по коням, а мы подстрахуем.

Квадроцикл двинулся с места почти бесшумно, только за-жужжал электродвигатель. В былые времена Змей рассекал по джунглям на багги с двигателем внутреннего сгорания, но егерям такие не разрешали: слишком много заботились о динозаврах и слишком мало – о людях.

Сойдёт.

– Джимми, одной рукой держись, другой работай, – бросил Змей через плечо.

Напарник, сидевший сзади, прокашлялся.

– Хорошо.

– И не нервничай, – улыбнулся Змей, до предела выжимая педаль мощности.

Вблизи звери казались одной шевелящейся горой, с двумя толстыми хвостами, то мечущимися туда-сюда, то вытягивающимися струной. На картинках в учебнике шишкохвост выглядел безобидной огромной ящерицей с детским недоумением пялящейся на читателя. Панцирь ящерицы блестел на солнце, и сама она, и всё зверьё на картинках выглядело безобидной, даже дицероних со своей кошмарной пастью ни страха, ни отвращения не вызывал.

Едва только квадроцикл съехал с дороги и затрясся, давя побегу папоротника, в нос им ударил тяжёлый запах. Это было в учебнике: самка привлекает самца. Время от времени две туши принимались тереться с неповторимым скрежещущим звуком, пластины сходились и расходились, были видны копошащиеся под ними насекомые...

Джим издал булькающий звук.

– Что у тебя? – спросил Змей, заботясь больше о том, как удержать квадроцикл, пляшущий на кочках и стеблях растений будто норовистый жеребец.

– Справлюсь, – в два приёма выдохнул Джим.

Квадрик описал дугу, лихо подкатившись под самые морды страшилищ.

– Давай! – крикнул Змей. – Самца!

Но Джим его не послушал. Привстав на подножке, вцепившись в древко шокера обеими руками, парень ткнул в морду самке. Драконица дёрнулась. Взвизгнула.

– Самцу, Джим, самцу ткни, – Змей слегка придавливал педаль мощности, чтобы сорвать машинку с места и одновременно зажимал тормоз. Так портились движки, горела контактная лента, но им сейчас главное убежать от горы мяса, распластавшейся на нитке железнодорожного пути...

Джим послушался. Шокер ткнулся в морду самца, вцепившегося в шею самке, причём попал в самую пипку, чудовище буквально отлетело назад и джунгли потряс яростный рёв.

– Держи-ись! – Змей отпустил тормоз. Вдавил педаль мощности до упора, впившись взглядом в мешанину зелени перед собой. Любая крупная кочка или рытвина убьёт их.

– Ай!.. – раздалось сзади и квадроцикл рванулся вперёд, вдвое прибавив в скорости.

Джим упал.

Змей похолодел. Квадрик замер, развернувшись на раздавленных побегах растений, а Змей повернул голову, заранее зная, что увидит и страшась увиденного...

Джим ползал в зарослях папоротника. Будь стебли хотя бы им по пояс, шишкохвост мог и потерять человека – туповаты они, ни обоняния, ни зрения... слух хороший, это да. Но по зелёнке недавно прошлись дефолиантом и ползавшего по земле Джима, ошеломлённого падением, не заметить мог только слепой. К распластанной на земле фигурке неслось трёхметровое чудовище с разъявленной пастью и сзади маячило ещё одно, дикий рёв оглашал окрестности, заглушая голос Бахрушева, пытавшегося что-то объяснить Змею с Джимом, что-то там командовавшего...

Змей схватил дробовик. Бахрушев с Траем догоняли шишкохвостов, Трай привстал на подножке, готовясь применить шокер – но разряд тока мог остановить этокое страшилище только в спокойном состоянии, сейчас же разъярённый архетрикс и не оглянулся бы.

Змей вскинул ружьё к плечу, лоя зверя на мушку. Целить надо в голову, там мозг – есть он, есть, хоть и маленький, в

ружьё пули и картечь вперемежку...

Выстрел. Грохот, отдача в плечо, кислый запах. Ещё. В ушах крик Бахрушева: «Беги, Джим, беги-и!..» Выстрел. Джим встаёт на ноги, бежит в сторону Змея. Выстрел. Огромная башка шишкохвоста дёргается, словно от комариных укусов, и, похоже, все попадания ему как слону дробина: так и топает, поднимая комья земли пополам с обрывками растений. Со стороны казалось, что дракон бежит на пяти ногах – гениталии динозавров, приготовленные по особому рецепту, это такое лакомство в ресторанах. Больших денег стоит.

Выстрел. Вот тут Змей попал – хорошо попал, шишкохвост без затей грохнулся на землю, подняв тучу пыли и чуть не придавив Джима. Оскаленная пасть едва не дотянулась до сапог напарника, ножищи дёрнулись ещё раз и чудовище затихло. Джим плюхнулся на землю прямо возле пасти с вываленным языком.

Змей бросил ружьё в багажник и подкатил к напарнику. Вдалеке Бахрушев с Траем отгоняли с полосы отчуждения тихонько повизгивавшую самку, а из-за поворота трудяга-тепловоз пёр огромную цистерну, доверху налитую нефтью. Синий с белыми полосами капот с перестуком колёс, рычанием двух дизелей, поплыл мимо Джима со Змеем. Мелькнула эмблема Топико.

– Здорово, бродяги, – машинист, высунувшись до пояса, сверкнул на егерей стёклами солнцезащитных очков, – по-

мощь нужна?

Змей махнул рукой: «Проезжай», – машинист плюхнулся на кресло и, взревев раненым шишкохвостом, тепловоз потянул миксер дальше. Прогудел тифон.

– Джим, ты как? – спросил Змей.

– Да вроде ничего... – с третьей попытки ответил напарник.

– Встать можешь?

– Не, Антоха, у меня что-то сил нет, – слабо улыбнулся Джим.

– На вот, – Змей выдернул из-за пазухи фляжку, – хлебни.

Фляжечку коньяка Джим ополовинил не заметив – словно тоник, положенный им по инструкции. Занюхал рукавом, отдал Змею.

– Зря пьёте, – сказал Бахрушев, подкативший с Траем к туше динозавра и теперь осматривающий дохлятину. – Сейчас понаедут, а от вас запах.

Змей только рукой махнул. Джим поднялся с земли.

– Да и пошли они нахрен! – гаркнул он, выпятившись налитыми кровью буркалами на начальника. – Меня чуть эта хрень не раздавила, – он пнул башку чудовища, – а мне тут за запах рассказывать будут!..

– А что, Викторыч, понаедут? – спросил Змей.

– Да, Микель сказал сидеть возле туши, ждать, – ответил Бахрушев. – Зверюга-то с ошейником.

Сидели, ждали. Сидели поодаль, отогнав квадроциклы к пролому в ограждении. Бахрушев и Змей держали под рукой дробовики: издохнув, туша громадины вроде шишкохвоста, привлекала стаи зверья, летучих тварей, тучи насекомых. На случай пролома в ограждении стояли столбы аварийной сигнализации, отгонявших непрошенных гостей ультразвуком и световыми вспышками, но самые упрямые пробрались-таки к вожаденной груде мяса, несколько видов насекомых паразитировали на самом шишкохвосте и теперь туша самца аж вздрагивала, так спешили любители свежатинок. Егеря не вмешивались, следили за проломом. Водились тут звери покрупнее, способные не заметить аварийку, тот же дицероних способен задержать тепловоз и картечью его так просто не остановить.

– Викторыч, – гаркнул машинист проезжавшего тепловоза, – что за дела?!

– Что такое? – поднял голову Бахрушев.

– Сколько мяса пропадает! – лицо железнодорожника расплылось в улыбке.

Бахрушев только развёл руками. Раньше, в первые годы после посадки, колонисты снаряжали целые команды охотников, бивших шишкохвостов, гладикорнов – огромных зверей с костяным щитком на голове, переходящим в три саблевидных рога. Били азартно, с огоньком, били так, что популяцию орнитуа, огромного летающего ящера, извели под корень, дицеронихов осталось то ли триста, то ли четыреста

голов на всю планету и те же шишкохвосты принялись вымирать стадами – некому стало охотиться на больных и слабых особей, а их потомство в джунглях Мурома выжить не могло. Потом спохватилась Земля. Лига миров не пожалела денег и на Муром высадился целый десант зоозащитников, заставивших власти пометить каждую животинку на планете, переписать все Муромские платаны (по-научному атлохейры, громадные деревья под сто пятьдесят метров длиной) и каждый год пересылать отчёт в ЮНЕСКО через своих представителей.

Ну, деревья-то, по чести сказать, никто особо не трогал, одно срубили пока строили Калязин – столицу Федерального образования, зато прямо в черте города тянулись к небушку ещё два златокудрых красавца, один на правом берегу Любавы, другой на левом.

...Кавалерия прискакала на трёх вертолётах. В первом восседало начальство ГОКа с защитничками, второй, сам вооружённый до зубов, вёз охрану. Третий, летающий кран, завис над джунглями, для этакой махины площадки на узкой просеке не нашлось.

Ещё не стихли взмахи лопастей винтокрылов, ещё только выгружалась охрана, как главная защитница всея планеты налетела на егерей.

– Кто отдал приказ стрелять?! – красивое лицо активистки-защитницы покраснелось от праведного гнева. Из-под шлема выбивались золотые кудри, камуфляжный балахон

волшебным образом подчёркивал фигурку.

– Ну... это... мы... – пробормотал Бахрушев.

Подошёл Кушнер, генеральный директор ГОКа. Вблизи Генеральный выглядел старше, лицо казалось одутловатым и перемещался он, единственный из всех прибывших в гражданском платье (то ли переодеться не успел, то ли не нашлось костюма) неровной, прыгающей походкой горожанина, джунгли видевшего из окна автобуса на обзорной экскурсии. Кажется, Кушнер хотел пожать егерям руки – начальство любит показать единство с простыми работягами, но ввиду пламенеющего гнева Девы Орлеанской (звали её, кстати, Жанна, только фамилия Кошта – чья-то там дочка в аппарате Лиги миров) не решился, ограничившись кивком.

– Как он? – кивнул Генеральный в сторону животины.

Егеря все как один собрались ляпнуть что-нибудь, но Трай поспел первый:

– Дохлый, – он пожал плечами и почему-то улыбнулся Коште.

Та аж задохнулась:

– Да вы... Вы... Как вы посмели?..

Прежде чем кто-то успел слово сказать, женщина кинулась к шишкохвосту. Груда мяса, подгнивавшего на жаре, успела привлечь массу мелких падальщиков. Больше старались насекомые, спеша подьесть лакомые кусочки и тут же отложить личинки, но через ограждение пробрались и шакальцы, мелкие хищники размером с таксу, с клыками, о ко-

торых такса мечтает в сладких снах.

Навстречу Коште защёлкали окровавленные пасти. Женщина завизжала. Стая шакальцев вполне могла разорвать взрослого человека и несдобровать бы защитнице, но у егрей под рукой были ружья. Викторыч со Змеем отёрли дамочку в сторону, наставили оружие. Змей нажал на спусковой крючок, целясь в ближайшего – ох и зубищи!.. – дробовик злобно харкнул картечью и рядом ударил выстрел, и ещё, и ещё – целая канонада на два ствола. Шакальцы падали, извиваясь в грязи, пытались в агонии дотянуться до стрелков, в два счёта опустошивших магазины, а из-под туши выныривали новые звери и собравшаяся стая угрожала разорвать защитников Девы Орлеанской...

Утихшая было канонада возобновилась, будто эстафету приняла свежая батарея – спохватилась охрана. Парни в камуфляже с полуавтоматическими ружьями отёрли уже Змея с Викторычем лихорадочно совавших патроны в магазины и шакальцы повалились в грязь. Стреляли все, кто мог, даже Генеральный палил из небольшого пистолета, добывая подранков.

Жанна Кошта плакала невдалеке.

Стрельба стихла.

– Никто не пострадал? – зычно спросил Генеральный.

– Никак нет, – бодренько отрапортовал кто-то из его свиты, – Алексей Сергеевич, вы в порядке?

– Всё хорошо, – отвечивал Генеральный и прошество-

вал к егерям. – Спасибо, ребята.

На этот раз руки он пожал каждому. Прошествовал к плачущей защитнице и, приобняв женщину за плечи, увёл в вертолёт. За ними потянулась свита Генерального, охрана, прошёл Микель, состроивший егерям страшные глаза:

– С патруля – ко мне!..

Потом пришлось потрудиться: застропили тушу шишкохвоста и летающий кран уволок дохлятину в сторону Калязина. По железке прикатила дрезина с материалами для ремонта забора и Викторычу с подчинёнными пришлось охранять ремонтников, провозившихся допоздна со столбами, сеткой-проволокой и тревожкой. На станцию добрались уже затемно, на дрезине. Ремонтники – добрые ребята – затащили лебёдкой квадроциклы на грузовую площадку, накормили егерей ужином, сготовленным тут же на полевой кухне, напоили чайком и даже предложили пропустить стаканчик – но тут отказался даже Джим, обычно не упускавший случая пригубить крепкого. Их ждал Микель.

Глава 3

Сдали оружие. Егеря чалились между тепловозным депо и путейцами; делили одну располагу на пару с охранниками. Тех уже не было, только отдыхали бронебойщики – взвод тяжёлого вооружения, сформированный на случай прорыва крупных хищников в город. Прорывов давно не было, крупную живность большей частью извели и бронебойщиков называли иногда бездельщиками. Называли за глаза: ребята

там простые, ни чувства юмора, ни воображения, услышат «бездельщики» – и в морду.

Дежурный, молодой парнишка, худющий, патлатый, в необмявшейся форме, просто-таки ел Викторыча глазами.

– Что там, говорят дицерониха подстрелили? – спросил парень, пока Бахрушев выводил каракули в журнале.

Расход боепитания, обстоятельства происшествия («напад. крупн. зверя (архетрикс) во вр. patr. – 16 шт., зачистка местности – 20 шт.»), сдал («ружьё МЦ-100, 2 шт., шокер 4 шт.»), число, подпись.

– Да-а, – подмигнул парню Трай. – Там стоя через тревожку рвалась, думали, уже ваших вызывать... Видишь, сколько палили?..

– Да ну, – покосился на него дежурный.

– Да-да-да, – подхватил Джим. – Меня чуть не сожрали.

Но тут парнишка прочитал, что записал Бахрушев, посмотрел на улыбающихся егерей – как кипятком окатил – и хлопнул решетчатой дверкой, скрывшись за пирамидами с вооружением и амуницией.

– Пошли трахаться? – спросил Трай. – Утром шишкохвосты – вечером мы.

– У Змея ствол забрали? – спросил Бахрушев.

У Микеля в кабинете им стало не до смеха.

– Анатолий Викторович, ну что за дела? – начальник уставился на Бахрушева, начисто игнорируя остальных. – Говорил я тебе – с ошейником животина?..

– Говорил, – Бахрушев с Микелем были на ты, у них отцы дружили. – Да видели мы. И так и по навигатору...

– Ну а что вы там исполнили тогда?..

– А надо было Джима так оставить? – встрял Змей. – Пусть бы эта скотина по нему погарцевала?

Микель покосился на него. Был он высок, сухопар, носил горку в цифровом камуфляже и вроде как запросто общался с подчинёнными – а всё же выгоду свою понимал и понимал так, что из тех же подчинённых порой пух и прах сыпался. С гнильцой тип. Сморчком его за глаза кликали. Змея он достал и Змею давно хотелось как-нибудь да уесть Сморчка и вот вроде как представился случай.

– Джима нет, оставлять не надо было, – процедил он не глядя на строптивца. – Вопросов к вам как раз нет – вопросы к старшему вашему, вот в чём дело.

– И что за вопросы? – любопытствовал Бахрушев.

– Да тётка эта, Кошта, – похоже, от активистки-защитницы всем досталось на орехи, – бегаёт за Генеральным и кричит, что здесь у нас экоцид.

– Геноцид? – переспросил Трай.

– Экоцид, – сказал Бахрушев. – Но это же легко проверить, ошейники-то зачем?

– Да по фигу ей ошейники, – отмахнулся Микель. – Она карьеру делает. А Земле выгодны её вопли, Земля готовит толпу проверяющих и начинает торговаться, сбивает цену на сырьё, в Управлении нервничают и требуют наказать неви-

новных и уволить непричастных. Вот и выбирайте – вы невиновные или непричастные.

– Ну, скорее невиновные, – Бахрушев сделал выбор за всю команду.

Микель кивнул:

– Распишитесь. Много не сниму, процентов семнадцать...

– Ты не снимешь – там добавят, – буркнул Змей.

– А ты в профсоюз пожалуйся, – хохотнул Микель.

– Да там такие же сидят... – брякнул Змей и тут же пожалел об этом.

Поздно.

– Для таких как ты, парень, – процедил Микель, – у меня записка имеется.

Он отбил команду на клавиатуре и у Змея в кармане забился виброзвонком планшет (в поле они всегда выключали звук, это и инструкции предписывали)

– Распишись в получении.

– Чего? – он знал чего.

– Разрядка пришла, – ухмыльнулся начальник, – пятерых вынь да положь, молодых, здоровых... Завтра в УК. И не опаздывай.

Они почти зашли в душевую, когда Бахрушев спросил:

– Надо оно тебе, Антон? Ну, наказали – первый раз, что ли?..

Змей только махнул рукой.

...Город спал. Огни фонарей, притушенных по ночному

времени, горели по обоим берегам Любавы, освещая пряничные домики Калязина. По чистеньким улочкам стелились тени от тычки, окультуренного плодового растения, свернувшего пышные кремовые бутоны перед тем, как дать продолговатые плоды фиолетового цвета с тонкой съедобной кожурой и нежным вкусом. Где-то на юге качали нефть, тепловозы тянули бочки с густой жижой чёрного цвета, тащили вереницы вагонов с пшеницей, железной рудой, чтобы потом опростать в резервуар Установки и отправить напрямиком с Мурома на прародину человечества. Золотое дно, курица, несущая золотые яйца: начальство ГОКа по всем школам рыскало в поисках смышлёных ребятишек, способных понять, что там к чему, в этом туннеле в небо и Змей приглядывался к старшему – вдруг осилит?..

А пока он шёл домой. Можно было вызвать шаттл, как Бахрушев с Траем, но Змей любил пройтись после работы по стихшим улицам, редко брал машину как Джим, гонявший на своём понтыарском «Тотти» хоть за пивом в магазин. Чистенькие улочки, ночная прохлада в тени деревьев, столбы с разлапистыми светильниками наверху и ящиками тревожки, клуб, школа, где учился, Университетская площадь и Университет, в который не поступил... Дом.

Последний блокгауз из тех, собранных ещё на Земле для колонистов Многофункциональной транспортной платформы «Христофор Колумб», лет двадцать тому назад с помпой водрузили на Площади Первых. Сейчас Калязин пол-

ностью застроили малоэтажными домами, возведя только помпезную пятиэтажку Дворца собраний. Двух- и трёхэтажные таунхаусы, капитальные постройки, способные выдержать землетрясение до пяти баллов, составляли укрепрайоны со своими запасами продовольствия и медикаментов, со своим штатным расписанием, указывающим каждому горожанину от мала до велика номер в стрелковом расчёте. Тренировки проводились до сих пор, хотя серьёзных атак на город не было за всё существование Колонии, а теперь и бронёбойщиков сняли с патрулирования улиц, оставив вооружённую лёгким стрелковым оружием милицию.

Змеева очередь дежурить подходила на следующей неделе.

Дверь справа от гаражного роллета. Во всех окнах свет, никто не спит и электричество жгут, как на дармовщинку досталось. В гараже, под лёгкий запах масла и металла, дремлет «Егерь» – мощный, brutальный внедорожник. Фары машины недовольно зыркнули на хозяина, решётка радиатора оскалилась шакальцем: «Выпью – у...» – кредит за этот монстр-трак ещё четыре года платить. Вторая дверь, бронированная, шлюз-кессон (извещение приходило – пора обслуживать агрегат), винтовая лестница наверх...

– Что, сложно было промолчать?.. – её звали Дженни Перси, по имени популярной мультяшки, брелоком болтавшей тогда у каждого школьника на ранце. Васильковые глаза, копна льняных волос и стержовый характер в комплекте.

Змей аккуратно поставил ботинки на полочку, также аккуратно закрыл дверь. Распрямился.

– Здравствуй, дорогая. Валя!.. Где мой зайчонок?..

Женька фыркнула и унеслась на кухню.

– Где Валёк?

– В компьютере.

– Ты обещала бросить, – кажется, она хотела выпустить струю дыма ему в лицо.

Передумала.

– Не сегодня.

– Ну, наказали, ну Жень, я заработаю ещё...

– Ты всегда это говоришь.

– И что?

– Работай больше.

– Кури меньше. Где моё пожрать?

– Что?.. А, в кастрюле. Остыло немного.

– Валя!.. – сын валялся у себя на диване, уткнувшись в планшет. – Ты не хочешь обувь снять?

Змей выхватил планшет, не глядя выключил.

– Я с кем вообще разговариваю?

Сынишка ткнул его кулачком, снизойдя до общения:

– Отдай! Я играю!

Что-то сломалось. Пружина, сжимавшаяся помалу каждый день, распрямилась – мальчик отлетел на диван, чудом не ударившись о стену, следом хрустнул пластмассовыми осколками планшет.

– Ты что делаешь?! – Женька набросилась на Змея, обдав табачным дыханием: – Ребёнка он бить взялся! А ну, выметайся отсюда!

...На улице хотелось видеть дождь. Лучше грозу и чтоб ветер гнул деревья и бросал в лицо воду – пригоршнями. Ещё бы закурить кто спросил и можно релаксировать, чередуя прямые да хуки-апперкоты, но, как назло, лёгкое движение воздуха даже не шевелило листву платанов, улицы по ночному времени опустели окончательно и Змей, оглядевшись по сторонам, зашагал к тёмной витрине магазина через дорогу.

Датчики среагировали на движение – сначала тускло загорелась вывеска. Стоило только человеку взойти на крылечко, осветился вход и, едва только разошлись двустворчатые двери, осветился весь зал автомата. Пахнуло свежестью. Включились телевизоры и посетителю во все тридцать два улыбнулась Ли Вэнь Хань, томным голосом приглашая опробовать новый станок для бритья. Змей прошёл мимо стоек со сладостями. Яркие упаковки безо всякого порядка валялись на полках, весёленький фантик торчал из-под стеллажа – малышня в последнее время взяла моду забавляться, безобразничая в автоматических магазинах. И не бояться, засранцы, светят мордашки на камеры, а родителям потом штраф придёт, да что там штраф – за такие художества мэрия выпишет наряд на работы и придётся в свой выходной убираться на улицах или ещё чего.

Ох, получит кто-то...

Свежая выпечка. Здесь на кухне автоматы стоят, если хочешь полакомиться настоящими пирожками, надо идти к площади, там на углу кулинария «Большой папа», вот там вкуснота. Яркие упаковки бытовой химии. Инструменты. Напитки. Змей помялся, глядя на стеллаж с ровными рядами стеклянных бутылок, обещавших утешение и забвение, поглядел на подмигивающий восклицательный знак на табачном отделе. На пластиковом козырьке, как и на всей табачной продукции жёлтым горела надпись: «Курильщику космонавтом не бывать», – и в последнее время стало модным, закуривая, вздыхать: «Таких не берут в космонавты...»

Змей не курил. И убежать от проблем в объятия зелёного змия не собирался, так учил отец, поэтому на выход он понёс стеклянную бутылку с соком тычки. Повернулся на сканер для оплаты – это считалось хорошим тоном – прошёл к выходу. За спиной закрылись двери, потухли огни автомата.

Тепло. Тихо. Муром такой мир... Солнце, 61 Большой Медведицы, жарит как не в себя, хоть и вращается планета подальше от звезды и год, соответственно, не двенадцать месяцев, как на Земле, а тринадцать и все – лето. Много кислорода. Один и три от земного – очень много, поэтому здесь всё большое и люди вырастают... если парень, то Илья Муромец, если девушка, то розовощёкая ядрёная красавица. Правда, с животиной возиться приходится, это ладно, что на архетрикса-шишкохвоста нарвались, от дицерониha при-

шлось бы убежать со всех ног, да бронейщиков звать, пусть отработывают повышенный оклад... бездельщики.

В окнах погас свет. Змей сел на скамейку возле входа, поставил рядом бутылку с тёмно-красной этикеткой. Бешеный день заканчивался через пень-колоду, утро обещало быть не лучше и куда вся эта круговерть выведет...

Хлопнула дверь. По крыльцу прошлёпали тапочки и возле скамейки встала Женька.

– Ты пьёшь, что ли? – жена устала на Змея.

– Сок, – он поднял бутылку.

– А, – Женька куталась в халат, будто замёрзла. – Пошли, покушаешь, да спать пора.

Змей протянул руку.

– Чего?

– Иди ко мне.

– Поздно, – но всё-таки присела. Подвернулась под мышку, положила голову на плечо.

– Ты чего сорвался?

– Да так...

– Так... На работе что-то?..

– И на работе, – Змей смотрел куда-то вверх тёмных силуэтов домов. – Мне повестку дали. В УК.

– Куда?! – Женька отстранилась от мужа, посмотрела, будто видела впервые.

– В Управление колонии. Что-то им там нужно.

– У тебя же дети...

– Ну, – Змей пожал плечами, обнимая жену. – Дети. Иди, им объясни.

– Пошли домой, – вздохнула Женька. – Завтра разберёшься.

Глава 4

Правительство Федерального образования Муром колонисты выбирали ещё в тренировочном лагере возле бразильской деревушки Сау Фелиш ду Сингу. К новому миру отправлялось полноценное государство с законодательной и исполнительной властью, на каждом углу трубившее о своей независимости, желании построить новый дивный мир, даровавшее своим гражданам невиданные права и свободы, оплаченные трудом миллионов земных работяг.

Об этом старались не говорить в новостях, но все ресурсы колонии – и не только Мурома, а и Холта, и Ляонина, не говоря уж об Океане, – шли с Земли. Всё необходимое для колонистов – всё, от еды и одежды до самолётов и космических кораблей – поставляло правительству ФО Управление колоний. Об этом также старались не говорить, но Управление было реальной властью в колониях – по крайней мере, до тех пор, пока избранное правительство не становилось способным обеспечивать своих граждан всем необходимым – от еды и одежды, до космических кораблей.

Холт и Ляонин, самые первые колонии, лет пятьдесят назад сумели наладить собственное производство и держали

у себя офисы УК как дипломатические представительства. Океан и Муром, формально вышедшие на самообеспечение, регулярно подавали в Управление списки необходимого оборудования, тешась надеждами на бесплатный сыр.

А ещё был Эдем.

Формально Змей мог и плюнуть на повестку. Ну, висел бы у него в личном деле красненький ярлычок, вспоминало бы о нём начальство, чуть потребовалось приструнить непокорного егеря, и всего делов – но это было УК. Управление отвечало за поставки ресурсов в колонии. Муром был колонией Земли. Змей был колонистом. Такой расклад.

Обиталищем Управлению служил семиэтажный дом, в плане имевший форму суперэллипса. Пряталось обиталище в тихом переулке Роз (розы на Муроме цвели роскошные, соцветиями по семь – десять ярко-красных цветков, к настоящему моменту как раз удалось вывести породу, не оплевывавшую всё вокруг жгучим ядом) и своими навесными панелями да вертикальными витражами походило на миниатюрную копию какого-нибудь Триумф Паласа. Правительство ФО время от времени собиралось построить свой небоскрёб – ну хоть посреди столицы, – только никто не мог предложить, чем занять анфилады офисов.

Ни о чём таком Змей, естественно, не думал, а просто прошёл по указанному в повестке адресу (два квартала от дома через площадь Первых). В просторном фойе показал паспорт на стойке администратора, прошёл мимо патруля

бронейщиков, перекрывавшего путь к лифтам, кивком поприветствовал старшего «бездельщика», Виктора, бывшего одноклассника и товарища по самым отчаянным эскападам, поднялся на третий этаж в просторной кабине лифта и очутился в царстве бюрократии.

Короткий кабинет от дверей лифта сменился чередой столов в просторной комнате, целом зале, заставленном натуральными деревянными столами, устланном коврами, гасившими звук шагов служащих – парней и девушек. Гудели кондиционеры, шелестела бумага, поскрипывали факсы и ксероксы. Редкие стеклянные перегородки отделяли столы сотрудников, на перегородках красовались цифры – номера столов, судя по всему. Змей сделал пару шагов, увернулся от симпатичной девицы с кипой бумаг, вылетевшей на него из-за очередной перегородки и, углядев нужный номер, зашагал в сторону стола, указанного в предписании.

За стеклянной перегородкой наполовину заваленный бумагами сидел молодой человек в наглаженной, надушенной белой рубашке и чёрных брюках. Они все тут одевались так: белая рубашка и чёрные брюки или юбка для девушек. С длиной и фасоном юбок, воротничками и бретельками на рубашках допускались некоторые вольности – ну, как у той малышки, чуть не сбившей Змея кипой бумаг, но цвет одежды оставался одинаковым для всех: белый верх, чёрный низ.

– Здравствуйте. – Здравствуйте. Присаживайтесь.

Парень выгреб из-под стопки бумаг клавиатуру, сунул в

приёмник кардридера Змеев паспорт. Уставился на экран монитора.

– Будин Антон Викторович, полных двадцать восемь, женатый, не судимый, – клерк глянул на Змея: – Хотите родине послужить?

Да пошёл ты...

– Ну... – вслух пришлось мямлить: – Детишки у меня... Поднимать их...

– Понятно, – парень чего-то там нащёлкал клавиатурой, развернул монитор к Змею. – Смотрите, Антон, Управление колоний передаёт в концессию Топико ряд месторождений на Эдеме...

– Стойте, стойте... – Змей поднял руки.

Слова парень разливал красиво, *грамотно* – таким умникам они зубы вышибали в университетской общаге. А сейчас от этих умников зависела его жизнь. Какая ирония.

– Чего в концессию?

– Нефтяные месторождения на Эдеме. Ну, если вы смотрели новости... – Змей закивал. – Смотрели, отлично, так вот, на планете земного типа в системе Беты Гончих Псов нашли богатейшие залежи углеводородов. Колонисты на Эдеме не могут сами наладить добычу ресурсов, поэтому...

– Прародина бросила нас под танки. Я знаю.

– Ну... в общих чертах... – замялся клерк. – Скажем так: колонисты позвали на помощь муромцев. Там реально много нефти. Много золота, железа, редкозёмов... богатый мир.

– Ну, прекрасно, – Змей пожал плечами, – а мне-то что, в карманах всё это таскать?

– Корпорации требуются рабочие руки. Бурильщики, электрики, повара, – парень поглядел на Змея. – Наёмный персонал требуется охранять.

– От кого там охранять? – буркнул Змей. – Там дицерониhi стаями ходят?

– Там живут люди, – парень торжествующе посмотрел на Змея.

– Ну ладно...

– Вы не поняли, я говорю не о колонистах вроде вас... – ого. Так ты ещё и земляшка, парень. – Там живут аборигены. Самые настоящие.

Парень подался вперёд и заговорщицки понизил голос:

– Инопланетяне. Те самые, которых мы столько искали. И им жутко не нравится, что кто-то без спроса копает их землю.

– И они хотят всех убить.

– Да, – парень откинулся в кресле, уставив на Змея изучающий взгляд. – Очень хотят всех убить. Поэтому корпорации – и нам, Управлению, – нужны серьёзные люди неробкого десятка, способные постоять за себя и прикрыть спину честным труженикам в случае опасности.

– Я пас, – отмахнулся Змей. – Лезть на рожон за деньги – не моё.

Он оперся на подлокотники кресла, собираясь встать.

– Ну, вы даже не выслушали наше предложение, – сказал клерк. – Мы ведь можем закрыть ваши кредиты.

– Ну да? – ухмыльнулся Змей. – Типа этих – кредиты можно не платить?..

– Почему же? – парень приподнял идеально очерченные брови. – Управление заберёт себе на баланс ваши долги и по окончании контракта выплатит оговорённую сумму банку-кредитору.

– Оговорённую – это какую?

– Тело кредита плюс заявленные банком проценты.

Змей помолчал.

– Ладно, это, конечно, неплохо... А дети? Их учить, лечить...

– Детям служащих корпорации, исполняющих обязанности в экстремальных условиях полагается полный пансион до достижения ими совершеннолетия.

– А по достижению...

– А по достижению совершеннолетия ваши сыновья будут рекомендованы к поступлению в Университет Мурома – или один из вузов Земли. За счёт Управления.

Кредиты выдавала Администрация, специальный отдел в ФО Мурома. Деньги гражданин Федерального образования мог отдать с процентами, а мог отработать в свободное время. Поначалу всё это шло как по маслу, люди брали деньги, работали: улицы мели, дома строили, одежду шили, но в последнее время стали требовать кучу бумажек, а потом

вызвать на работу посреди ночи, да ещё по ложному вызову. Зато появились коммерческие банки. Откуда-то вылезли «уважаемые» люди, всегда готовые дать денег согражданам за «разумное» вознаграждение по одному только скану физиономии, и Администрация при расчётах всё чаще отдавала предпочтение коммерческим банкам.

С образованием тоже выходило странно. Первые, все как один, получили базовое высшее образование на старушке-Земле. Детишкам, народившимся во время пути Платформы, пришлось ходить в школу на поверхности планеты, мрачное заведение с толстыми стенами и бойницами вместо окон, где лекции им читали лучшие специалисты в своей области, а работали с ребятнёй профессиональные педагоги, на Земле ещё вымуштрованные не хуже солдат. Потом в старой школе открыли Музей Колонии. Новая школа что в Калязине, что в других городах планеты, стала настоящим учебно-производственным комбинатом, где дети до обеда учились наукам, а после обеда шли на уроки выживания в новом мире, для них ставшем родным и единственным. Дети Первых учились работать головой, работать руками, и никто как-то и не думал о разделении образования на высшее и низшее...

Пока не открыли Университет. Теперь считалось, что все необходимые навыки и знания гражданин Федерального образования получает в школе, а если гражданин желает получить чуть больше – придётся поступать в Университет, где за

обучения требуется платить деньги, деньги же предлагается брать у коммерческих банков.

– И они тебя купили?

– Ну... – наверное, надо было что-нибудь ответить, но Змей размяк и только рассеянно перебирал волосы жены.

– Чего ещё пообещали?

– Сиськи тебе сделать. Я говорю – пятый номер и чтоб соски кололись...

– Дурак, – Женька вывернулась из-под руки, отвесила ему шлепок. – Вояка, блин.

– Вояка...

Жена прилегла обратно.

– Антон, мне это не нравится. Живём ведь. Ну кредиты, ну школа... Тебя ведь и убить могут...

– Там вообще единовременное пособие положено – квартиру сразу выкупишь. Да и медицина сейчас – ого-го, по кусочкам людей собирают.

– По кусочкам...

– Ну да. Страховка там, все дела... Да делов-то – пять лет контракт, а там гуляй, босота.

– Кто?

– Неважно. Пять лет – не так уж и много.

– Ну если только пять...

Глава 5

Учебный центр Топико располагался на острове Русский, посреди мелководного внутреннего моря, места стока двух громадных рек. Происхождением остров был обязан вулканической активности, отчего девять десятых территории приходилось на горы и холмы, ставшими орудием убийства курсантов учебки: скалолазная подготовка, тактические занятия, но в основном – бег, бег, бег...

В уютных долинах острова располагались жилые модули (казармы) рядового состава и домики обслуживающего персонала. Неподалёку в море выдавались причалы порта, куда прибывали паромы со всех городов восточного побережья. Здесь Змей завис на полгода.

На сборный пункт они прибыли по гражданке, поздно вечером. Разместились в казарме, завалившись спать прямо на матрасах, воняющих дезинфекцией; белья не выдали. С утра, после обильного завтрака, разношёрстная масса будущих курсантов выстроилась на расчерченном белыми линиями плацу. Солнце играло весёлыми зайчиками на хромированных деталях трибуны, установленной против строя, с моря веяли соль и свежесть...

– Здравствуйте, товарищи! – прорычали динамики. – Командование учебного центра приветствует будущих работников корпорации Топико!

На трибуне собралась целая толпа в военной форме. Офицеры отличались комплекцией, ростом, цветом кожи, но камуфляж стирал различия, словно серо-зелёная стена выси-

лась над плацем.

– От лица всех офицеров учебного подразделения, – продолжали динамики, – хочу пожелать вам скорее влиться в ряды нашей организации...

Человек в военной форме, говоривший в микрофон, выделялся из всех стоявших на трибуне. Не знаками различия – цифровые метки на горке будут видны, когда им дадут коды доступа, не рядами медалей – никто из офицеров не носил на форме блестяшки, полагавшиеся за подвиги на войне и в мирной жизни; что-то другое заставляло и курсантов, и их будущих командиров внимательно слушать простые слова приветствия:

– Также от лица преподавателей учебного центра хочу заверить, что мы, офицеры-педагоги, а также прочий персонал учебного центра, приложим все усилия для того, чтобы вы как можно скорее стали настоящими носителями ценностей корпорации, не посрамив гордое имя Топико на просторах чужих миров!..

Обещанное усилие к ним применили на следующий же день.

Мужчина в обычном деловом костюме (без галстука, воротничок белой рубашки расстёгнут), поздоровавшись с курсантами, встал у доски.

– Я хочу рассказать вам о планете Эдем. Звёздная система Бета Гончих Псов относительно недавно вошла в орбиту интересов Земли и, как говорит ваше командование, вам надо

знать, от кого и как вам придётся охранять персонал Топико и почему происходит... то, что происходит.

Мужчина был шпаком. Вольнонаёмных, «вольняшек», на остров согнали немало и очень любила солдатня посудачить об амурных похождениях с поварихами и уборщицами. Были и такие – яйцеглавые, преподаватели, как потом понял Змей, высочайшего класса, действительно специалисты в своей области.

– Итак, звезда Бета Гончих Псов спектрального класса G0V, что означает возможность зарождения жизни на планетах в околосвёздном пространстве...

Первые десять минут Змей честно слушал. Потом как-то само собой обнаружилось, что слова преподавателя слились в монотонный гул и пришлось трясти головой, отгоняя сон. Предпринятых усилий хватило минуты на две, потом пришлось снова приводить себя в чувство... и ещё... и ещё...

И Змей присоединился к товарищам, давно уже сладко посапывающих на все лады.

–...на сегодня всё, товарищи курсанты. Кажется, сейчас у вас будет физподготовка, – вернул их в чувство шпаков голос.

Взвод встрепенулся. Задвигались сиденья, по классу пронёсся сонный шепоток. Преподаватель тем временем сворачивал невесть откуда взявшийся проектор и реплику Шрека:

– Спасибо, товарищ преподаватель, мы выспались, – и смешки столпившейся у выхода солдатни воспринял как

должное.

Змею не понравилась его улыбка. Но дальше последовал бег по пересечённой местности, обед, стрельбы, бег по пересечённой местности с полной выкладкой, тактика, ужин, построение с отбоем и утренние подозрения вылетели из головы.

...Свет.

– Солдаты, подъём, ...! – голос.

Вымотавшиеся за день парни лениво зашевелились на жёстких двухэтажных кроватях.

– Вы что, сука, воины, ...? – прогремел тот же голос, сопровождаемый грохотом падающих кроватей («Ай!» – вскрикнул кто-то). – Подъём, ...! Строиться, ...!

К голосу добавилась другой, третий:

– Бегом!.. Подъём!..

Зыркающее заспанными глазами воинство выстроилось в две тесные шеренги по обе стороны прохода между кроватями и Змей наконец разглядел обладателей начальственных голосов – а в распорягу нагрянул весь офицерский состав роты во главе с командиром. Ражие парни в камуфляже с беретами, заломленными на затылок или заткнутыми за погон, прошлись вдоль строя, с отвращением разглядывая курсантов.

– Ай, ...

– Чего там?

– Это что за ...? Дежурный, ...! ... – Колёк... вообще-то,

Николя Катель, назначенный дежурным, подбежал...

Могучий пинок унёс дежурного куда-то между койками.

– Чего разлётся? Ко мне, бегом, ...! ... здесь это ведро с тряпкой болтается, э?.. А ты что, немой?

– Нет...

– Чего?! – удар в грудь унёс Колька обратно. – Ко мне, ...!
Ты немой, что ли, сука?..

– Никак нет, товарищ лейтенант, – сообразил Николя.

– Вот так, уже лучше... Убирай как положено, солдат, ..., бегом ..., ... стоишь, ...! – Катель получил ускорение в виде пинка под зад и унёсся в сторону туалета.

Офицеры прошлись вдоль строя, топая тяжёлыми ботинками, затем командир роты выразил недовольство:

– А почему это вы, воины, голые стоите? Вам команда подъём – а вдруг враг рвётся за Периметр? Вы дикарей их же оружием побеждать будете – голыми сраками? Экипироваться с ускорением!

Это происходило так: под наблюдением командира роты летёхи и прапора били стоявших у кроватей солдат, отлетавших к сложенному у прикроватных тумбочек обмундированию.

– Быстрее, товарищи курсанты, враг не дремлет!

Змей получил в морду. Соседу повезло меньше, и он корчился подле тумбочки, пытаясь восстановить дыхание.

– Медленно, медленно, ...! – заорали с продола. – Отставить, сука! Становись!

Больше командир не церемонился.

– Вы что, воины-десантники-ниндзя, ..., по-хорошему не понимаете?! Ускорение поднять!

Офицеры взяли табуреты. Пластиковые табуретки, стоявшие у каждой кровати, лёгкие и удобные, оказывались страшным оружием в умелых руках, на раз приводившим воинов-десантников-ниндзя в чувство. Курсанты выстроились в два ряда, на этот раз одетые в красивенькую форму и комроты молча прошёл вдоль строя, осматривая каждого. Осмотр заканчивался коротким движением руки в сторону не по уставу одетой детали обмундирования и незадачливому вояке тут же доставалось от следом идущих офицеров: «КРУС где? Связь, сука, где, гондон штопаный?!»

Змей опять получил в морду за непристёгнутый КРУС. Исправляя замечание, он слышал, как командир сначала прошёл мимо Шрека, а затем...

– Подождите, лейтенант. Солдатик, а солдатик, а ты чего это без ботинок?.. – Змея прошиб озноб. Комроты сорвался на крик: – Где ботинки, ублюдок!!!

Что-то с грохотом влетело в пространство между койками.

– Встать! Ко мне, говно!

– Ай!.. Не бейте, товарищ капитан!..

– Крыса помойная тебе товарищ, сучонок!.. Где ботинки?!

Несчастливого Женьку повалили на пол и принялись пинать уж совсем не разбирая дороги.

– Прекратите! – тишина, упавшая на казарму, по праву могла называться мёртвой.

– Не понял? – перед озверевшим офицерём стоял Катель. Высокий и худой, он казался былиночкой перед стадом быков.

– Прекратите это издевательство! Как вы смеее?!

– А вы в курсе, товарищ курсант, что за грубость офицеру полагается каторга? – спросил комроты.

– Крыса помойная тебе товарищ, сука автоматная, мать твою, яичко всмятку, цурчик нечесаный... – тираду Николая прервал короткий удар, отбросивший парня к оставленному подле выхода ведру.

– Этого – ко мне с утра, – командир роты повернулся к Шреку: – Ботинки где, мудило?!

И на парня вновь обрушился град ударов.

– Есть ещё босоногие? – спросил комроты у замов. – Ну и то ладно. Так, воины, пять минут очки заштопать и построение на плацу.

Курсанты зашевелились и под наблюдением двух прапорщиков принялись подгонять одежду и замазывать гелем побитые морды. Змей подошёл к Кольку. Парень лежал, закатив глаза: по всем признакам – классический нокаут.

– Крепко Иваныч дал, – с уважением сказал подошедший прапорщик. – Давай, ты и ты, – ткнул он пальцем Змея и ещё одного курсанта, – отнесите пацана на койку. Э, Маша-..., растеряша-...! – это уже Шреку. – Сюда иди. Бери полотенце

и протирай ему морду, да следи, чтоб рвота не пошла, задохнётся... Если что, вызывай меня. Позывной скажи?

– М... М... Мотор... – всхлипнул Шрек.

– Так. КРУС-то ты не ..., надеюсь? Гут. Да не ссы, парниша, – рожа прапорщика растянулась в улыбке, – сапоги – завтра подойдёшь, есть у меня запасные. Ну и, это, с зарплаты должен будешь. Ферштейн?..

Шрек торопливо закивал.

– Всё, понесли, давайте... Э, рота, на плац строится, бегом, бегом, ...!

Змей подумал, что дальше начнётся бег по пересечённой местности и прочая физра, но не тут-то было.

– Вам кажется, – комроты прохаживался вдоль строя ни живых ни мёртвых солдат, – что мы сейчас перегибаем палку.

Философ доморощенный...

– Мы кажемся кровавыми ублюдками, – командир внимательно посмотрел в глаза какому-то курсантику. – Вы ошибаетесь: кровавые ублюдки ждут вас на Эдеме. Все, кто побывал на этой планете – а мы все там были, – предпочтут год провести задротами в учебке, нежели сутки в карауле.

Он прошёлся вдоль строя туда, прошёлся сюда...

– Единственное, что может спасти ваши жизни и что может вернуть вас на гражданку живыми и здоровыми – подготовка, знания, полученные здесь, – шаг, ещё шаг, руки за спиной. – Не надо думать, что ремесло солдата состоит из од-

ной только физику, тактики, стрельбы там... Современный солдат должен уметь именно *мыслить* и для этого вам придётся усвоить то, что преподают гражданские специалисты – а труд их стоит планете бешеных денег – и что вы успешно ... утром.

Молчание. Шаги.

– Мы пробовали всё – поощрять отличников, устраивать олимпиады... Много чего пробовали – без толку, большинство из вас знания усваивают только из-под палки. Поэтому сейчас будет коллоквиум, мать его за ногу, и лучше вам вспомнить, что сегодня было на занятиях.

И офицеры пошли вдоль строя.

– Назовите склонение звезды Бета Гончих Псов, – рядовой мялся, мычал – они проспали все параллаксы – и тут же следовал удар, сбивавший несчастного с ног.

В итоге вопросы стали задавать через раз, но били – всех. Над стоявшим перед Змеем парнишкой, коренастым, широкоплечим, навис прапорщик Нестреляй, громадный мужик, с лицом, из гранита рубленным:

– Назови мне склонение, – прапор явно готовился почесать кулаки, и чётко прозвучавший ответ:

– Склонение звезды Бета Гончих Псов составляет плюс сорок один градус, двадцать одну минуту и двадцать шесть целых девять десятых секунд, товарищ прапорщик, – поставил его в тупик.

– ..., ..., ..., сука ..., Расстояние до Центра Га-

лактики?

– Восемь тысяч триста двадцать один парсек, товарищ прапорщик.

– Наклон оси вращения планеты?

– Девятнадцать и три десятые градуса, товарищ прапорщик.

Прапорщик почесал в затылке.

– Вот ..., какой умный... О, солдатик, а чего это у тебя лямка сброса торчит?..

Пацан просто в комочек сжался.

– Прапорщик, отставить! – внезапно скомандовал комроты. – Курсант, тридцать секунд исправить замечание, время пошло.

Следующего курсанта прапорщик просто ахнул кулаком в солнечное сплетение.

– Склонение звезды, курсант! – дошла очередь до Змея.

В принципе, ответ парня он слышал, но запомнить длинный ряд цифр, конечно же, не смог и просто напрягся в ожидании неизбежного. Лейтенант Балдж, здоровенный, краснорожий навис над Змеем:

– Ну и что,, кому сегодня знания в башку, сука, вдалбливали?! Что, говно, спатеньки хотелось, ...?.. Отвечай!..

– Никак нет, товарищ лейтенант...

– ... никак нет?! Склонение тогда называй, говно! ... молчишь?..

– Я... не слушал, товарищ лейтенант.

– Вот из-за таких дерьмаков как ты нормальных пацанов на днях в капусту порубили, – внезапно спокойным голосом сказал Балдж.

Он коротко сунул Змею в зубы и пошёл дальше.

– Что, бегом их пустить? – услышал Змей разговор комроты с замом.

– Не, половина сдохнет. Давай на подвесы, Джордж.

– Со звуком?..

– Да ну ... – электричество тратить...

– Рота, внимание... Равняйся!.. Смирно!.. Напра... ву!..

Бегом... арш!..

Всхлипывая и размазывая кровавые сопли солдаты побежали за Нестреляем. Навстречу два раза попались колонны таких же несчастных, и в щербатом свете фонарей Змей видел побитые, перекошенные морды.

Подвесы оказались диковинного вида тренажёром: конструкция в виде карусели, увешанная тросами с ремённой обвязкой.

– В сбрую бегом! – последовала команда.

– Бегом воины, троса разобрали, в сбрую залезли, застегнулись!

– Медленно, медленно, ...!.. Всем отставить, в две шеренги становись!.. – пинки, затрецины... – Рота, напра... ву!.. Положение для стрельбы лёжа принять! Три круга вокруг подвеса – марш!

И так раз десять, прежде чем смогли разобраться с ремнями. Наконец, каждый курсант повис между небом и землёй, и никто не обратил внимания на следующую команду:

– Третий выхлоп! – пинки и затрещины пугали больше.

«Карусель» дрогнула и пошла раскручиваться... вернее, раскачиваться вверх-вниз и из стороны в сторону по горизонтали, одновременно выдвигая подвесы с десанниками от центра колеса, раскручивая трос с человеком в обвязке. Солдаты крутились и стучались друг о друга, жужжание большего электромотора глушило вскрики дезориентированных людей...

...Наутро милый шпак слово в слово повторил вчерашнюю лекцию и на этот раз никто из курсантов роты на занятии не спал.

Глава 6

Учили стрелять. Поначалу взводу раздавали оружие, ставили цинк патронов: пока всё не отстреляешь, не отобьёшься. Потом стали усложнять задания, на поле стали рваться взрывпакеты, то и дело над ухом выли сирены, прапорщики орали в ухо: «Склонение Беты Гончих Псов, быстро сука, быстро!.. Огонь!..» – один деятьель чуть не пальнул в Нестреляя, за что получил в ухо и был с позором выгнан из рядов. Ещё и должен остался.

Потом стали стрелять в ситуационном тире. Бойцы стояли

на месте, а на них выскакивали голограммы – и тут операторы являли буйную фантазию, насылая на курсантов стада дицеронихов, живших и охотившихся в одиночку, или толпу полуголых девиц. Через какое-то время начали отрабатывать тактику перемещения по отделениям, взводом, ротой. Теперь уже не голограмма на тебя выскакивает, а ты на голограмму топаешь и как ни убеждай себя, что всё это морок, изображение – как щёлкнут из-за угла клычищи!.. Некоторые маму звали.

– Так, сегодня захватываем укрепрайон, – лейтенант Балдж оглядел воинство. – Легенда: противник силами до батальона с поддержкой лёгкой артиллерии захватил город...

Лейтенант махнул рукой в сторону тира.

– Ну вот это город, кому неясно?.. – Балдж ещё раз оглядел подчинённых в поисках бедолаги, возжелавшего припасть к источнику знаний, но таковых не нашлось: после бесконечных занятий, стрельб, ночных тревог и ночных коллоквиумов будущая краса и гордость охранных формирований Топико желала знать только когда поспать дадут. Не дадут?.. Значит, будем штурмовать. За это деньги платят.

– Захватил город, – продолжал лейтенант, – и остановил наступающие войска огнём. Войска остановились и окопались до выяснения обстоятельств... Кто тут стонет?

По строю чудо-богатырей прошёл лёгкий ропот, утихший, едва только у лейтенанта побагровела шея.

– Вы очумели, воины? – Балдж завёлся с полпинка. – Кто

стонал?.. Щас сгною!..

Он шагнул к строю бойцов, впиваясь взглядом в серые от усталости лица, но подчинённые всем видом выражали готовность копать от забора и до обеда и Балдж ограничился невнятным бурчанием.

– Катель, оборону, – скомандовал лейтенант, – окопы и атака на огневой вал.

– Есть, – лихо козырнул Николая Катель, получивший ефрейторскую лычку и ефрейторскую сотку к жалованию после первого коллоквиума. – Взвод, положение для стрельбы лёжа...

На поле, прервав лихого командира коротко свистнуло, взвизгнуло и перед строем бахнул первый взрывпакет. Туча пыли.

– Взвод, окапываемся! – надсадно завопил Катель.

– Ты, придурок, – голос Балджа прозвучал в наушниках шлема у каждого бойца во взводе громче любого взрывпакета, – связь включи.

– Окапываемся, взвод, – с некоторой заминкой сказал Колёк. – Пулемётные расчёты разобрать цели, огонь на подавление, окопы для стрельбы лёжа готовим.

Лопатка бьёт в бурые и коричневые комья земли, раскиданные трактором. После каждой тренировки окопы и траншеи, вырытые солдатами, закатывают подчистую, перемалывая редкую зелень, сумевшую проклюнуться за ночь.

– Бедновата земляца, – пыхтит рядом Гриша, накидывая

бруствер, – у нас вечером стул поставь – утром листики на нём...

Прямо перед ними грохнул взрывпакет, поднятую пыль понёс лёгкий ветерок и в ушах, почище любой взрывчатки, забился клич Кателя:

– В атаку! В атаку, взвод!.. Огонь, пулемёты, огонь!..

Змей подхватился с земли. Дал очередь из карабина, целясь поперёк голов своих пацанов туда, в сторону города, пригнулся, словно надеялся обмануть свистящую смерть – ненастоящие пули свистели над полигоном, но уж больно натурально выходило...

Катель поднял подчинённых, едва только увидел пиктограмму огненного вала на забрале шлема. Паля на ходу, курсанты добежали до кирпичных стен полосы препятствий, перемахнули через ров с водой и бросились штурмовать «здания», стены с окном и дверью. Разбились на штурмовые группы, выставили прикрытие, готовясь выбить дверь и, бросая перед собой гранаты, пройти по этажам «домов».

Пулемётчики держали оборону. Замерли с гранатами в руках бойцы по обе стороны дверей. Остальные готовились пустить в ход карабины, залив свинцом дверные проёмы.

Дерево. Точнее, «дерево», на острове росли приземистые, разлапистые майры, хвойные деревца с истекающими смолой шишками, так вот в районе полигона все деревья погибли, изрешеченные пулями и осколками. Бойцы из хозбанды выпилили как придётся древесные силуэты из пластиковых

щитов, повесили тряпочки, листья, мол, и перетаскивали их по полигону. Примелькались эти деревья так, что никто и внимания не обратил – стоит и стоит...

Муляж растаял голографией. Под картинкой, наведённой голопроектором, укрылось всё командование взвода, даже Балдж был здесь.

Курсанты опустили оружие.

Офицеры подняли карабины.

Автоматные очереди ударили по растерявшимся людям. Четыре карабина сухим лаем выплюнули по рожку каждый – и у всех бойцов на забралах загорелась метка: «Попадание. Повреждения: 0». Патроны, естественно, были холостыми.

Нестреляй, Дегалют, Балдж и Вэнь подошли к замершим в растерянности бойцам. Балдж остановился возле Кателя и чиркнул спичкой о броник ефрейтора, раскуривая сигару.

– Вот так, отец-командир, – лейтенант окутался клубами дыма.

– Это нечестно, – пробормотал несчастный Николая.

– А жизнь вообще нечестная штука, – неожиданно мягко ответил ему Балдж. – А война нечестная штука вдвойне.

Он похлопал Кателя по плечу и, вскинув на плечо карабин, пошёл в сторону городка.

– Взвод, обед, полчаса личного времени, оружие сдать, привести себя в порядок и на занятия, – раздался голос Балджа в наушниках шлема.

Прапорщик Дегалют утвердился за кафедрой. Утреннее солнце брызнуло в глаза и прапор кивнул солдатику за передней партой. Солдатик метнулся, прапор кивнул ещё раз – милостиво – и оглядел курсантов, замерших за партами.

– Сегодня, ребятки, мы с вами будем учиться родину любить, – Дегалют покопался в недрах проектора, удовлетворённо кивнул и продолжил: – История наших славных вооружённых сил... мнэ-э... начинается с того... мнэ-э... момента... как... мнэ-э... наши предки основали колонию на планете, получившей... мнэ-э... впоследствии своё... мнэ-э... название. Муром, назвали, вот.

Прапор вытер салфеткой лоб, вспотевший от героических усилий.

– Короче, я сейчас поставлю диск, там посмотрите...

– Вопрос разрешите, товарищ прапорщик? – поднял руку всезнайка Доцент.

– Ну давай, – прищурился Дегалют.

– У нас – я имею в виду, на Муроме – создают собственные вооружённые силы?

– Ну это... – прапорщик замялся.

– И вообще, нас готовят как подразделение регулярной армии, – не унимался Доцент, – а на Эдеме живут примитивные племена, не знающие даже огнестрельного оружия. Вы не могли бы объяснить, что это значит?

Каждую свободную минуту (свободное время у курсан-

тов вызывало приступы неконтролируемой ярости у руководства, но всё же нет-нет случалось) они жарко спорили об этом. Никто ничего не понимал: их гоняли как сидоровых коз, словно не охранный персонал межпланетной корпорации готовили, а воинство святого Ильи Муромца. Штурм и оборона зданий, приёмы противоснайперской борьбы, первая помощь на поле боя, десантное дело...

– Молодец! – гаркнул Дегалют. – Как зовут?

– Курсант Нойминц.

– Курсант Нойминц, упор лёжа принять! Отставить...

Упор лёжа принять!.. Отставить... Ещё вопросы будут?..

Почему-то вопросов больше не возникло. Прапорщик включил проектор, уселся в кресле, зажав в волосатом кулаке наушники-капельки:

– Давайте, просвещайтесь, воины, а у меня тут важный разговор...

Проектор высветил звёздное небо, панорама сместилась сверху вниз, появилась планета. Мягкий женский голос произнёс:

– После прибытия многофункциональной транспортной платформы «Христофор Колумб» к планете в окрестностях звезды 61 Большой Медведицы и расстыковки модулей платформы, большая часть будущих муромчан высадилась на поверхность своей новой родины...

Это им рассказывали в школе: «Христофор Колумб» разделился на орбитальную станцию, посадочный модуль, став-

ший центром Калязина, столицы федерального образования Муром и производственный комплекс, вышедший на орбиту спутника Мурома – Ярилы. Космическая секция будущей колонии занималась рутинной работой, обеспечивая связь, поставки продовольствия на грунт, загружая контуры энергосети, а на поверхности поселенцы бились с эндемичными формами жизни.

Во весь экран разявил пасть дицероних.

– Численность военизированных формирований колонистов пришлось увеличить с планируемых трёх процентов от численности населения до почти тридцати процентов. Для молодого федерального образования это стало тяжкой...

– Курсанты, смирно!.. – гаркнул прапорщик.

– Вольно, – сказал вошедший Балдж.

Взмывшие было под потолок солдаты – никто не спал – уселись на свои места.

– Что у вас тут? – спросил Балдж.

– Да вот, товарищ лейтенант, военно-патриотическое воспитание.

– А, хорошо. Конспекты мои читаешь?

Прапорщик скривился:

– Фильм смотрим...

– А, ну тоже хорошо. Отметить их не забудь. Это что у тебя?..

– Да вот тут... – офицеры погрузились в обсуждение каких-то своих дел, голос диктора продолжил:

– ... к защите своей Родины – очень непростая задача. Высокий патриотизм считается важнейшим источником стойкости морального духа, а для военнослужащих патриотизм проявляется, прежде всего, в верности воинскому долгу. Что вкладывается в понятие долга? Человек живёт в обществе и не может быть независимым от него. Мы все взаимозависимы друг от друга, каждый вкладывает частицу своего труда в общее дело, а благами цивилизации пользуются все...

– Слышите, воины, – вдруг поднял голову лейтенант, – Иваныч за эту лабуду вам коллоквиум не устроит.

– Можете дрыхнуть, – хохотнул Дегалют.

– Успеют, – окоротил его Балдж. – Разговор есть... за Карбоне.

Парашютная подготовка началась с места в карьер, чтобы, как говорили преподаватели, успеть до осенних ветров, когда не то что парашютистам – самолётам в воздухе делать нечего. Начинали прыгать с пяти утра, заканчивали к полуночи с коротенькими перерывами на обед; спали на поле, благо на Муроме всегда тепло. Прыжки с вытяжкой купола, прыжки с выдержкой времени, прыжки со сверхмалой высоты, на точность приземления и на воду, высадка с вертолётов беспарашютным способом сначала налегке, а потом со всей амуницией и вооружением (Змей тягал станину ППСт-1000 и набегался с ней до изумления); прыжки с оружием, прыжки с возведением укрытий по приземлению и атакой условного противника.

В один из таких дней Фалько Карбоне запутался в стропах парашюта. Роту бросали с конвертопланов, без амуниции и вооружения, без заданий на приземление – отдых, можно сказать. Пока выпутывался да резал стропы, пока открывал запаску...

Лежал парень в коме и врачи в госпитале на все вопросы сослуживцев только отмахивались, да с каменными лицами проходили мимо заплаканной синьоры Карбоне.

– Короче, страховки пацану не хватает, – сказал Балдж. – Врачи собрались отключать его от системы жизнеобеспечения.

Он внимательно посмотрел на курсантов.

– А Муром своих не бросает, а, воины? – воины согласно загудели.

– Так, – продолжил Балдж, – значит, командование роты в стороне не останется, но скидываться придётся вам.

– Сколько? – спросил Шань.

Дегалют что-то нажал и голос диктора произнёс цифру, отдельно выговаривая числа. Змей прикинул – половина месячного заработка. А Женька собралась мебель менять на кухне.

– Вы, ребятки, не скупитесь, – негромко сказал Дегалют. – Оно дело такое...

Глава 8

Красный фонарь над рампой мигнул и загорелся ровным

жёлтым светом.

– Взвод, внимание, – прозвучало в наушниках.

Катель прошёл меж двух колонн бойцов, готовившихся шагнуть в небо. Броня отца-командира моргала, пытаясь воспроизвести то настил трюма «коровы», то подстроиться под блики светильников. С каждым шагом Колёк поворачивал голову вправо-влево, словно надеясь в полумраке отсека высмотреть какой-нибудь косяк в экипировке подчинённого и забрало его шлема пускало зайчики то в одну сторону, то в другую.

Зелёный.

Прямо перед глазами Змея возникла полоса ослепительно белого цвета – створки ramпы разошлись, пустив солнечный свет в десантный отсек.

– Внимание! – сказал Катель. – Стоим на месте, на месте стоять, без команды никто не дёргается!

Нервничает парень. На отбой пришёл поздно ночью, на все расспросы послал любопытных – чем-то его там доставало начальство.

Натянутая вдоль стенки трюма сетка заполоскалась на ветерке. Весёленький зефир пробрался под броню, холодными пальцами тронул тело. Никто из них этого и не заметил, Змей так уж точно – ему свезло стоять первым и он, как ни старался, всё равно вглядывался в плывущий там, внизу, красно-коричневый ковёр, изредка закрываемый клочьями облаков.

– Пошли-и! – они замешкались и Колёк заблажил в наушниках: – Пошли, пошли, первый пошёл!..

Змей шагнул вперёд. В ногах разлилась слабость, в наушниках гремели команды Колька и он, злясь на собственную нерешительность, десяток шагов до обреза почти пробежал, с размаху бросив тело в провал рампы.

Налетевший ветер сбил дыхание. Ровный гул двигателей самолёта сменился свистом и шипением воздуха, тело замотало из стороны в сторону... – и тут же рывок, словно кто-то дёрнул за шиворот, руки-ноги потянуло вниз, карабин под правой рукой свесил плечо. Красно-коричневый с зелёными островками ковёр полигона поплыл под ногами.

Змей извернулся в подвесе, проверяя купол. Выдернул тросик заправки. Колёк, выпрыгнувший одним из последних, требовал занять плацдарм, распределить секторы обстрела – короче, нёс ахинею для регистратора. Потом, совсем уж визгливым тоном – ещё боя не видел, а уже голос сорвал – принялся требовать, чтобы Шань убрал заправку: здоровяк-китаец опять решил спуститься с комфортом и распустил запасной парашют. Шань весил далеко за сотню и на приземлении вечно отбивал себе ноги.

Змей вздохнул. До приземления оставались считанные секунды. Земля медленно, но верно приближалась, красно-коричнево-зелёный ковёр распадался на детали: растрескавшуюся почву, спутанные побеги растений, вьющихся по земле, островки зелени, тянущие ветви вверх, к небу, к паляще-

му солнцу...

Из кустов почти под ногами взлетела стайка птиц. Мелькнули крылья птах и сама мысль, что он вот так запросто оказался выше тех, кому судьбой назначено летать, поразила Змея. Он вскинулся, озираясь, словно полёт пернатых созданий заглушил голоса в наушниках, освободил его от давящей на грудь, на самую душу брони и взору открылась истинная красота мира и оставалось только сожалеть, что, занятый собственным самочувствием, он не успел обозреть бескрайние просторы саванны, залитые лучами утреннего солнца, не успел увидеть край моря, волнующегося там, вдали, в белевой дымке, а теперь оставалось только смотреть, как дивный мир замыкается в чаше горизонта, как в одну точку сходятся, наваливаются дела и заботы...

Воздух туго толкнулся в пятки. Дрожь прошла по всему телу, замкнувшись в барабанных перепонках; громыхнуло. Прямо под ногами на месте кустов, ночного пристанища стайки птиц, взметнулся грязно-белый клуб дыма и пыли. Рядом, один за другим, взметнулись такие же клубы, ещё, ещё – и вскоре всё поле клубилось взрывами.

Артподготовка.

– Взвод, к бою!.. – заорал Катель. – Колпаки готовим, первые приземлившиеся – прикройте огнём!..

И добавил уже спокойнее:

– Касание у кого-нибудь есть?

– Да какое там касание, – пробормотал Змей. – Тут земля

сама к ногам прыгает...

Дым и пыль грязно-белой пеленой скрыли место посадки. Змей опускался прямо в это месиво и ноги невольно дёргались – «искали землю». Чтобы избавиться от страха посадки, он принялся возиться с карабином: отстегнул оружие, взял наперевес, взвёл затвор.

Лёгкий ветерок унёс взвесь, поднятую взрывами, прямо под ногами открылся красно-коричневый ковёр со стеблями стеллеровой травы...

Змей тяжело плюхнулся прямо в переплетение ветвей, покатился, судорожно сжимая оружие. Купол. Если ветер сильный, купол наполнится и потащит горе-десантника по земле. Змей вскинулся, выглядывая из-под сбившегося шлема парашют, но белое полотнище едва трепыхалось на слабом ветру.

Хорошо. Можно перевести дух.

– Внимание, очаги сопротивления на два, одиннадцать и три часа!.. – заблажил в наушниках Катель.

Какие там очаги сопротивления, по легенде место высадки зачищало звено орбитальных бомбардировщиков, а за артподготовку отвечали орудия космических кораблей с орбиты. Учения, одно слово...

Змей выпутался из подвеса и тяжело побежал к своему отделению (метки на шлемах его ребят горели зелёным).

Парни ставили бронеколпак. Рыжак с Максимкой поставили пулемёт и теперь прикрывали солдат, сосредоточен-

но вгрызавшихся в каменистую рыжую землю. В наушниках надсадное хрипенье, отдельные выкрики.

– Противник? – крикнул Колёк.

– Не видим, – отозвался Максимка.

– Давайте, парни, ставим, – Катель протянул самозабывающуюся сваю Грише, тот сунулся было к правому углу укрепления, запнулся, схватился за Шаня и... оба солдата упали, повалив бронеколпак.

Колёк выдал матерную тираду и тут эфир разорвал дикий вопль:

– А-а!!! – по полю нёсся десантник.

Забывтый карабин молотил по ляжкам – по пятам за воином резво бежал огромный паук с задорно отклянченным брюшком. Все оцепенели, наблюдая, как паук настиг жертву, повалил на землю и...

Вжик! – маленькие ножки под истекающими слюной жвалами вмиг обмотали человека тончайшей нитью, превратив в мумию.

– Ну, что встали! – заорал Катель. – Также хотим?! Оружие к бою, колпак ставим, атака на два часа!..

– Пауки!..

– Конечно, пауки, а вы тёлочек ждали? Огонь, огонь, огонь!.. – и Колёк выдал тираду не хуже Нестреляевой.

Змей прыгнул к упавшему укреплению. Приземлился точно на огромный ком земли, боль, только кольнувшая где-то под коленкой, взорвала ногу при попытке встать...

Всё, отвоевался.

– Змей, что там?..

– Нога... Ходить не могу...

– Стрелять можешь?

– Это могу...

Змей щёлкнул затвором. Вовремя – по комьям земли к нему бежали аж двое киберов.

– Змей, Змей, Змей!..

– Здесь Змей... – он упёр оружие магазином в землю и так, с одной руки пустил длинную очередь одному, затем другому.

Полетели куски панциря, какая-то жидкость... Пауки остановились. Змей как мог резво пополз назад, к ребятам, и вдруг что-то защемило его поперёк корпуса потащило вверх, швырнуло на землю...

– А-а-а!.. – раздался в наушниках вопль сразу нескольких солдат. – Они везде!..

На позиции откуда ни возьмись высыпался ворох змей, скорпионов, перед Максимкой заколыхалась огромная сколопендра.

– А-а-а!.. – Максимка с диким криком полоснул перед собой из пулемёта.

– Гранату! Паук!.. Паук на позиции!..

Змея крутануло. Нить он не чувствовал, просто сразу сдавило всё тело – сильнее и сильнее...

Хлопок. Автоматные очереди, гавканье Максимкина пу-

лемёта. Змей упал на землю, глотая воздух. Шлем сполз, карабин он где-то потерял...

Перед глазами появился замызганный нагрудник скафандра, чья-то рука дёрнула его за шкурку, мелькнул край установленного бронеколпака. Медик – Рыжак, весь в слизи убитого паука – перевернул Змея на спину, считал показания скафандра, озабоченно покачал головой:

– Эвакуация, Коль. Открытый перелом, не боец он.

– Не боец, зато жилец, – сострил Катель. – Давайте, парни, сектора разобрали, уже вторая волна идёт.

Навстречу паукам, оказавшимся здесь в силах тяжких, хлестнул настоящий огненный ливень. Десантники устанавливали бронеколпаки, били подбежавших пауков из карабинов, бросали гранаты, вторая волна десанта добавила огня, катком пройдясь по чёрным полчищам...

Глава 9

– Пиво, гы... – Шрек будто сам сварил пенный напиток. Бухнул кружки, залил пеной стол, плюхнулся на пошатнувшийся табурет.

– Ты что, официанткой заделался? – Гриша наливался водкой, зверея с каждой стопки. – На хрен эта бурда нужна?

– Ты не выпьешь, я выпью, – и Женька одним глотком опрокинул в себя кружку.

Парни уважительно покивали Шрекову подвигу.

После высадки им полагалась увольнительная. С острова в прибрежный Ненерёко ушёл паром, доверху набитый солдатнёй, разбрёдшейся по известному на весь Муром кварталу Роз. Марин ТВ не раз крутило фильмы, разоблачавшие местные пороки, но судя по множеству патрулей милиции и опорным пунктам бездельщиков (с огневыми точками и бронетехникой, подле обязательно машина скорой помощи) рассадником порока стала корпорация Топико, арендовавшая весь квартал ради увеселения будущих защитников родины.

Колёк быстренько просёк ситуацию, затащил свой взвод в один из баров и руководил процессом, разливая пойло и расталкивая по столикам радостно визжащих девок. Суетились хозяйка с тремя мордатými сыновьями, по любому поводу подсовывавших солдатикам кардридеры, бегали официантки, разнося пойло, жратву, повизгивая, когда парни шлёпали их по филейным частям... одну затащил в угол Керим и слюняво целовал куда придётся, шаря руками под юбкой. В углу сидели полицаи – пятеро мордovorотов с голодными глазами, мужественно отказывавшихся от предложений спиртного, девочек и в морду: «Нас на алкотестер погонят после дежурства, – объяснил их главный, здоровенный летёха, – трезвым премия. Гуляйте, парни. Вам отдых, нам работа».

И парни гуляли.

– ...а он не раскрывается!.. – Женьке пришлось воспользоваться аварийным раскрытием парашюта и возможность

стать реальной боевой потерей приводила его в неопишное волнение. – Я и так, и эдак, извертелся весь!..

– А делов-то – кнопку нажать... – хохотнул Рыжак.

– Да больно ты понимаешь!.. – Шрек шлёпнул себя по лысине (их брили на лысо. Гражданским космонавтам полагались короткие волосы с какой-нибудь чёлкой крашеной, а им намазали башку гелем и три месяца ни стричься, ни бриться). – Сестрёнкам школу нужно оплачивать.

– Ну, получили бы страховку, – Змей тут же пожалел о сказанном, но Женька уже посмотрел на него и сказал только:

– Ну да...

– Сестрёнки-то симпатичные? – спросил Рыжак.

– Да, вот... – фото трёх белобрысых девчонок Шрек таскал на личном гигабайте памяти.

– Да, прикольные девки...

– А я б вдул... – Гриша здорово набрался.

Командование взвода проставлялось за успешную высадку всем, кроме списанных в боевые потери: «боевые потери» бухали за свой счёт. Гриша стал одним из тех несчастных, кого замотал в паутину паук-кибер и ему предстояло либо платить за выпивку, либо пить за счёт более удачливых товарищей, как Змея, например, хоть и получившего травму, но уничтожившего двух киберов, что в реальной боевой ситуации означало две лёгкие бронемашины противника. Гриша наливался водкой за чужой счёт, зверел среди всеобщего

веселья и готовился пустить в ход пудовые кулаки...

Кулаки и у Шрека были не хилые.

– Так, всё, расход, – Змею помог Рыжий и Шань, и все парни подорвались, растаскивая драчунов. – Завтра решите дело.

– Я тебя жду, – сказал Женька.

Гриша осклабился в ответ.

– Всё, ребята, третий выхлоп! – Змей взялся за бутылку.

– Третий!.. – словно прокатилось по бару.

Третий выхлоп. Залп на приземление.

– Парни, а мы тут без девок сидим... мы педики, что ли? – поинтересовался Доцент.

– А ты чего спохватился?

– Да я на Керима засмотрелся. Молодец пацан, уже ляльку в люльку поволок...

– О, точно! – мир плавал перед Змеем в уютном, безопасном тумане, слова не задерживаясь изливались наружу, правильные, нужные слова: – Колёк! Товарищ командир, погибает без женского внимания!..

– Га-а!.. – на разные голоса отозвалось окружающее и на коленях у Змея, как по волшебству оказалась особа пола женского – он проверил ещё, точно женского?! – и было выпить и закусить и непонятно зачем среди всеобщего мира и согласия прозвучало Гришино:

– Ты что на меня косишься, падла узкоглазая?! – Гриша полез к Шаню, допившись, видимо, до такого состояния, что

кулачищи двухметрового китайца уже не пугали ни весом, ни размером.

Потом возле стола замелькали мундиры полицаев, среди всеобщего гама потонули Гришины крики и Шань невозмутимо занял своё место, а Гриша из-за стола пропал. Наступившая было тишина вновь наполнилась гомоном, под толчком закружился дым, нежное создание на руках у Змея назвало своё имя, чем-то напомнившее имя владычицы эльфов, выразило восхищение размерами Змеевого счёта и Змея собственно, и уже нашлась свободная комната на третьем этаже, ну да и ладно...

Этого парня звали Томас Джуозас. Высокий, худой, с тёмными кругами вокруг глаз (это было заметно даже на фоне регулярно огребаемых ими «солдатских очков»), он тащил службу, наравне со всеми получая тумачи и редкие благодарности, ни с кем близко не сошёлся и что у него осталось на гражданке толком никто не знал. Потом уже в личных вещах нашли рассованные где только можно пакетики с этим синтетическим дерьмом, не оставляющим следов – парень крепко сторчался и сорвался неожиданно, страшно...

– Га-а, Томас!.. Давай жги!.. – Джуозас оказался на столе и творческий порыв поддержали все парни и Змей протянул кружку под золотистые колокольчики смеха своей дамы...

...длинная очередь. Маленький пистолет-пулемёт с непропорционально длинным магазином задёргался в руках торчка, выплёвывая свистящую смерть. Оружия хватило

ненадолго – некачественное изделие перегрелось и заклинило, но пули, выпущенные в плотную толпу, нашли цель: корчился на полу хозяйский сынок, на стуле обмяк Резо Цигвава, сержант из соседнего взвода, отставший от своих...

Змей смотрел на девушку. Его несостоявшаяся любовь сидела боком к подмосткам, и пуля прилетела в височную часть. Девятый калибр разворотил полголовы, кровь попеременно с мозгами и осколками костей липла на руках, заливала брюки... Лицо уцелело и, словно дурная пелена, слетевшая во мгновение, открыла истинный облик, истинную красоту... но не было дыхания в полуоткрытых губах, не вздымалась грудь и руки бессильно дёргались вслед за Змеевыми попытками что-то сказать или сделать.

В конце концов, он просто сидел и смотрел и мимо сознания прошла суматоха, когда опомнившиеся первыми полицаи – молодцы, что ни говори – скрутили стрелка и, попутно приложив мордой обо все углы, уволокли в воронок. Не видел, как появились медики, принявшие пользоваться раненых и выносить погибших – губы, глаза, кокетливо сбита чёлка заняли всё поле зрения и только когда санитары занялись им, Змей опомнился.

– Нет, – сказал он парням, приготовившимся принять тело с его рук, – я сам... Куда нести?..

Глава 10

Алиса бросила взгляд назад. Город высился над морской гладью игрушечкой, резиновым утёнком – только белым. Мать сердилась на это её сравнение, она рисовала Город как диковинный цветок лилии, вспоминая цветы в окрестностях родного Манауса, а дочь глядя на плод бессонных ночей матери вспоминала резиновую игрушку из ванной.

Ещё один взгляд. Дома скандал, мама кричит на папу, папа разводит руками, большими и сильными, закатанные рукава белой рубашки поднимаются, обнажая точки и чёрточки родовой татуировки ямарунди. Как всегда, папа пытается хоть слово вставить в монолог темпераментной амазонки и, как всегда, у него не получается.

Всё началось с тару. Тару это червяк, только с рогами на голове. Он живёт в йеси («Мангровые леса, – кивал отец и гладил Алису по спутанным волосам, из которых только что доставал колючки: – Совсем ты у меня туземка»), прячется в листьях, потому что на него охотятся все: и кутцок, и гунич'ак, и альчпа. Хара не охотятся. Хара охотятся и на кутцока, и на альчпа, и вообще на всех, даже Люди хара побаиваются. Если взяться за оба рога тару и разломить голову, вылезет малинового цвета мякоть, сладковатая, почти как йогурт. Её надо быстрее хватать ртом, чтобы не шлёпнулась на землю, просто потому что земля грязная. Уулунгу, братик, всё смеялся над Алисой и пытался подобрать малиновые хлопья, вместо того, чтобы найти нового червяка. Их на деревьях полно, Уулунгу накидал десятков, они наелись до

отвала, и двух Алиса притащила домой, чтобы угостить маму. Принесла, ополоснула водой на кухне, положила на тарелку и («Смотри, мамочка!...»), на глазах у онемевшей синьоры Павленко, приготовившейся закричать при виде двух поблескивающих маслянистых тел, похожих на земных сколопендр, съела одного тару.

Мама не упала в обморок. Мама не бросилась в туалет, мама даже не закричала – мама сказала: «Так», – взяла Алису за руку и отвела на центральный пульт, где отец каждый день бился за живучесть плавучего города. Ну, он так говорил, когда Алиса спрашивала, что он делает на работе. В большой комнате с табличкой «Центральный пульт» и окном во всю стену оказалось много людей в серых комбинезонах – Алиса видела похожие в книжках про космонавтов. Все смеялись и болтали, но стоило только синьоре Павленко войти, как смех и болтовня стали стихать, пока в комнате не воцарилась звенящая тишина.

Мама, всё так же сжимая ладошку Алисы, подошла к папе, сидевшему на возвышении за пультом с кучей кнопок, экранов и рычажков и сказала срывающимся голосом:

– Паулито, нам нужно поговорить.

После её слов «Центральный пульт» за секунду опустел, а в следующую секунду в комнате грохнул скандал, заставивший дребезжать бронированные стёкла.

Алиса и сбегала. Тихонько вышла из комнаты (папа подмигнул ей – он видел, он всегда всё видел), спустилась в Ан-

гар, села в свой вертолёт и нажала «Запуск». Секунду ничего не происходило, и девочка замерла: если на улице буря, если процессор Города считает машину неисправной, если на часах поздний вечер или раннее утро – двигатель не запустится. Так они договорились с папой.

Над головой чихнул выхлоп, махнули лопасти – раз, другой, двигатель рыкнул, раскручивая несущий и хвостовой винты. Машина поднялась над покрытием Ангара, качнулась в воздухе и вылетела из Города. Автопилот винтокрыла запрограммировали на один маршрут, так что, получив добро от городского процессора, летательный аппарат лёг на привычный курс. Алиса боялась только, что мама включит видео и скажет: «Марш домой!» – тогда придётся разворачиваться и сидеть в комнате. Рисовать или слушать лекции по видео, или книжку читать заставят...

Ещё взгляд. Город уже не видно, только мигает маячок морского старта, зато впереди появилась ровная полоса зелени. Йеси, лес, охотничьи уголья племени ямарунди, аборигенов архипелага Надежды в океане планеты Эдем.

Море под вертолётom из тёмно-синего стало сначала голубым, через голубую воду стали видны полосы белого песка, потом среди голубого и белого стали появляться бурые пятна, показались первые деревья, тянувшие ветви с вечнозелёными побегami прямо из морской воды. Наконец под винтокрылом поплыл сплошной зелёный ковёр мангрового леса с редкими прогалинами, заполненными тёмной водой и

лентой реки, сытой змеёй свивавшей кольца вдаль. Время отлива. Морская вода ушла, кое-где обнажив илистое дно, остались только редкие лагуны-омуты да длинная полоса, не заполненная деревьями, похожая от этого на обычную реку среди обычного леса.

Деревня Людей стояла у самой границы мангров. Алиса добралась бы сюда безо всякого автопилота, за три года она выучила все места, где они играли с друзьями, но папа сказал, что если она хоть раз отключит компьютер, о полётах в лес можно забыть навсегда. А если папа сказал – он обязательно сделает. Поэтому девочка сидела смирнѐхонько наблюдая, как колышутся стрелки на цифровом табло, как винтокрыл, зависший над участком леса, ничем не выделявшимся среди прочей зелени, принялся чинно спускаться, чуть задев лопастью ветку дерева. Сбитую с ветки листву тут же сдуло потоком воздуха, зашевелилась трава на поляне, сухие ветви, уложенные на крыши хижин; от очага, сложенного посреди поляны, поднялся дым вперемежку с искрами, заставив женщину, занятую стряпнёй у небольшой пекарни, прикрыть лицо рукавом просторного платья серой ткани.

Химаулуполо, Третья матушка. Лучше бы Созе, Вторая, она всегда улыбнѐтся, погладит, всегда у неё найдѐтся кусок дупльхи – Иосихиро называет это сотами диких пчѐл. А Хима смотрит так, будто Алиса в сундук к ней забралась...

Пусть смотрит.

– Айо, Хима, – надо коснуться пальцами лба, сердца и

живота, так правильно приветствуют младшую жену вождя.

Женщина кивнула, насторожённо разглядывая девочку в светлом платье и сандалиях, выскочившую из железной стрекозы. Бойтся, что ли?..

– А где Уулунгу? – спросила Алиса.

– Там, – взмах смуглой руки, увешанной тяжёлыми браслетами. – У Масая...

Женщина отвернулась к печке.

– Спасибо, – уже на ходу бросила Алиса.

У Людей везде духи. Очаг, над которым колдовала Хима – дух, огненный Ценето, он добрый, пухленький такой человек с лепёшкой во рту. Там, где Люди спят – в хижине или на стоянке – Аймара, дух сна, покоя. Она тоже добрая, только сильно надеяться на неё нельзя, Аймара может забрать человека в царство духов. Масай – вода. Любая вода: река, ручей, море. Все слова, относящиеся к воде, питью, у Людей через «маса». Папа долго смеялся, когда Алиса всё это рассказывала и теперь, приходя домой с резким запахом изо рта, всегда говорит маме: «Ну, я намамасюнькался...»

Масай не везде, на всю реку или море его не хватит, духи вообще живут только там, где о них думают Люди. Чаще всего про Масая думали у ручья, там, где плита застывшей лавы обрывалась и вода, журчавшая в базальтовом ложе, с размаху бросалась вниз. За миллионы лет бурный поток вымыл небольшую пещеру под плитой, сама собой образовалась чаша водоёма с пляжем чёрного песка, а ручей бежал

дальше, туда, где йеси-мангры воевали с океаном, превращая дно морское в плодородную почву, зараставшую обычным лесом.

Чучуки сидели на песке пляжа. Над маленькими ямарунди (чучуки – маленькие Люди) сомкнули кроны дерева, густая листва подлеска, в которой Алиса чуть не оставила пол-платья, скрывала детишек от любопытных взоров, шелест травы и журчание ручья глушили голоса, хотя Люди никогда не говорили много и громко – в йеси надо быть тихим. Тише краю. Тише смерти.

У каждого ямарунди – даже у младенцев – три платья. Одно белое, расшитое цветными нитями, украшенное цветами и перьями – праздничный наряд, длинный, до пола у женщин и короткая туника у мужчин. Другое, серого цвета, из грубой холстины – для повседневной носки. Узоров на нём почти нет, только какая-нибудь модница воткнёт перо агавы в нагрудную петлю. А ещё есть охотничий костюм, который любой ямарунди может сплести на месте из подручных средств. В основном плетут что-то воде той же туники, с торчащими во все стороны травинками и листиками, но дядя Иося показывал фотографию ямарунди, с головы до ног одетого в переплетение трав. На голове у Человека красовалось самое настоящее птичье гнездо.

Вот в такие костюмы разоделись чучуки, сидевшие на чёрном песке пляжа. Говорили тихо. Собственно, говорил Затежник, мелкий плюгавенький мальчуган, самый старший

и самый опытный во всей компании. При виде Алисы он умолк.

– Айо, Затейник, – девочка опустилась на песок подле Уулунгу. – Я пришла.

– Айо, Маленькое Солнышко, – кивнул Затейник.

Ма Леакалани, так звали её ямарунди, Маленькое Солнышко. Чучуки звали просто – Ма, Маленькая.

– Наверное, тебе не надо идти с нами, – сказал Затейник.

– Вы собрались в пещеру Вуронгу? – поинтересовалась Алиса.

В пещере Шок живёт Вуронгу, муж Аймары. Он похож на лакам-к'ин, громадную рыбу с четырьмя челюстями, и, в отличие от супруги, собирает души воинов, павших на поле боя, Людей, утонувших в море или умерших от болезней. Затейник хвастался как-то, что катался на самом Вуронгу, когда захотел искупаться.

Чучуки тихонько засмеялись. На удивление Затейник отозвался слабой улыбкой:

– Нет, Ма. Мы идём за шкурой гун. Обещай не рассказывать взрослым.

– Я с вами, – сказала Алиса.

– Нет, – быстро ответил Затейник.

– Да, – сказал Уулунгу.

Большой, добрый Уулунгу. Они родились в один день, в одном родильном зале в госпитале Города, врачи землян спасли и Уулунгу и роженицу, любимую дочь вождя ямарун-

ди. Поэтому дед Уулунгу, Джихань, первый среди Людей, объявил Алису и новорождённого внука братом и сестрой.

Затейник умолк, внимательно разглядывая сидевших перед ним детей.

– Она одета как на праздник, – наконец сказал он. – А надо идти...

Алиса нажала кнопку. Платье пошло полосами и наконец стало не чёрным, не зелёным, а... ну, сядь в зарослях – любовью краю пройдёт рядом и не заметит.

Чучуки зашептались. Слышно было удивлённое «вапаулани», люди неба-моря – так ямарунди называли жителей Города.

– Далеко идти, Леакалани, – сделал ещё одну попытку Затейник.

– Хорошо, – кивнула Алиса.

Они всё делали вместе. Ловили рыбу в протоках йеси, набрасывая шипастых ай-шу на маленькие плоскодонки, дружной толпой выходили на больших пирогах в море, когда по линии коралловых рифов шли стаи соузе, ставили ловушки на шустрых ша и смеялись над ужимками маленьких кугу-мари, которых ловили только, чтобы устроить импровизированный цирк и тут же отпустить. Вместе загорали на песке морских пляжей там, где кончались йеси и вместе слушали сказки старой Созе, когда дождь барабанил по крышам хижин и широким листьям чогли, местных широколиственных растений, из которых женщины ямарунди выделявали

пряжу на одеяния для всего племени. Поэтому Алиса даже не спросила, куда и зачем отправлялись чучуки. Они друзья. Они будут вместе. Так учил отец.

Так правильно.

Маленький отряд вытянулся в цепочку. В зарослях едва угадывалась тропа, протоптанная скорее звериными лапами, нежели людьми. Ноги, обутые в сандалии, мягко ступали по траве. Тропа огибала стволы вековых деревьев, заросли терновника, иногда ныряла под сень колючих ветвей, где приходилось буквально ползти на четвереньках, а кусты сыпали на спины детей колючки или обдавали каплями воды, сбережённой в свёрнутых листьях. Солнце слало редкие лучи через чащобу и в столбах солнечного цвета иногда мелькало яркое оперение диковинных птиц, тотчас же исчезающее в полумраке тропического леса.

Шли молча. Слушали крики птиц да редкое ворчание тини, амфибии, живущей в корнях чогли. Молчание изредка нарушал Затейник, когда совещался с Качаджаро, куда стоит повернуть, да сами чучуки перекидывались словцом на редких привалах. Никто не смеялся, не распевал песен, так любимых ямарунди. Детские личики отяжелели печатью забот предстоящего пути.

– Мы куда идём вообще? – спросила Алиса братика на одном из привалов.

Спросила тихо. Очень тихо.

– На болото, – также тихо ответил Уулунгу. – Нитунгулу

умер – помнишь?

Смерть поджидала Людей на каждом шагу. Нитунгулу, старший сын Третьей матушки, рыбачил в заливе. В сеть с шипастыми ай-шу попался небольшой муван, рыба с плоским телом и ядовитым шипом на хвосте. Нитунгулу схватился за шип. Умирал он в мучениях, долго, но недостаточно долго, чтобы доставить очередного пациента в Город ва-паулани.

– Ну да, помню, – отозвалась Алиса. – И что?

– А то, что для похорон нужна шкура гун-ич’ак, а колдун не даёт. Говорит, взрослым не хватает, будем хоронить как маленького...

– Нитунгулу не маленький, – глухо сказал Затейник, неслышно оказавшийся рядом. – Нитунгулу отдал весь улов матери Китопаи, когда в её саддаке нечего было есть. Китопаи не допустит, чтобы Нитунгулу хоронили как несмышлёныша, неспособного постоять за себя и позаботится о других.

– Китопаи – это кто? – спросила Алиса.

– Китопаи – это я, – ответил Затейник.

Здесь так жили. Наряды Людей, песни и обычаи старательно подчёркивали разницу между разумным существом и животным. Высшей похвалой для них служили слова: «Это – ямарунди», – ещё одно подтверждение принадлежности к числу Людей, не по происхождению, а по делам, достойным мужчины, воина, добытчика. И в смерти статус челове-

ка должен быть подтверждён обрядом – песнями и ритуальным танцем пари-пари, и нарядом – погребальной накидкой смя, вышитой кожей гун-ич’ак, змеи, в изобилии водящейся на болотах.

– Китопаи, – Уулунгу назвал Затейника по имени, подчёркивая его статус главного, походного вождя, – мы не успеем до темноты.

– Там деревня краю, – Затейник указал подбородком куда-то в чашу. – Мы заночуем у них.

– Крау убьют нас, – в голосе братика слышалось напряжение.

– Нет, – ответил Затейник, – я поговорю с крау.

– Хорошо.

– Идём.

Алиса видела крау только на фотографиях и видео с камер дронов, которых запускал дядя Иося. Ничего особенного, люди как люди, только полуголые, размалёванные, у мужчин в носу кольцо из ветки чогли, у женщин голая грудь да младенец в матерчатой перевязи. Женщины носят юбки из веток вуту, мужчины пояс из таких же веток или то, что дядя Иося называл пениальным чехлом. На все расспросы Алисы что это, дядя с папой смущённо улыбались и молча выслушивали нотации мамы о неуместных разговорах при ребёнке.

Люди воевали с крау. Мама только начинала рисовать Город, когда на острове бушевала самая настоящая война меж-

ду племенами. Сейчас войны нет. Люди приглашают крау в рыбацкие лодки, когда в проливе идут особенно большие косяки союзе, но никогда не пригласят крау разделить радость или горе, посидеть возле костра на Трибу духов.

Сегодня крау оказались слишком близко – чучукам даже не потребовались дроны дяди Иоси. Они обогнули одинокую базальтовую глыбу, по очереди перепрыгнули по камням ручеёк, подмывавший землю под каменюкой – и Уулунгу замер, оказавшись нос к носу с человеком.

Человек неподвижно стоял под ветвями дерева уиу-уиу. Юбка из травы, чуть закрывавшая колени, да травяной колпак на голове – вот вся одежда обитателя леса. Его кожу цвета кофе с молоком покрывали волнистые узоры; узоры вились по лицу, превращая его в страшноватую маску. В руках человек держал копьё с раздвоенным наконечником и из-за пояса торчала каменная дубинка.

Чучуки замерли. Внезапно из кустов, смыкавших ветки над тропинкой, из-за скалы только что оставшейся за спиной появились ещё люди – в юбках, с колпаками на головах, с копьями, луками и стрелами.

Крау.

– Стойте, – пропыхтел Затейник, пробираясь в голову колонны. – Подождите, мне надо поговорить...

Он оказался перед воином и сделал обычный для Людей жест приветствия: открытой ладонью коснулся лба, сердца, поведя затем рукой перед собой слева направо. Воин не ше-

лохнулся. Не дрогнули полосы вокруг глазниц, но и копьё не шелохнулось в его руках. А Затейник заговорил на хриплом прищёлкивающем языке, кивая в такт словам.

– Он знает их язык? – тихо спросила Алиса братика.

– Да мы всё знаем, – также тихо ответил Уулунгу.

– И что он говорит?

– Рассказывает кто мы и зачем оказались в лесу. Просит помочь устроить ночлег и предлагает подарки.

– Какие подарки?..

Что там могло быть ценного в небольшой сумке Затейника?

Мальчик тем временем покопался в сумке и передал воину небольшой спиннинг и набор рыболовных крючков. Эту рыболовную снасть делали в Городе, Алиса сама не раз привозила дедушке Джиханю удочки, крючки, мотки прочной нити для сетей. Нож. Люди леса оживились, воин одобрительно кивнул и наконец что-то ответил Затейнику. Нож перекочевал за пояс человека.

– Кажется, договорились, – пробормотал Уулунгу.

– А если бы не получилось?

– Они бы нас убили, – ответил братик.

Глава 11

Крау дали им змею. Если бы Алиса видела змей с Земли, она бы сказала, что это большой удав – или питон. Но Алиса на Земле никогда не была. Мама как-то пыталась читать ей

сказочку про дядю и тётю, живущих в йеси и разговаривающих со змеёй и долго потом сидела с открытым ртом, выслушивая рассуждения девчухи о рецептах блюд из змеиного мяса.

В общем, змея как змея. Если правильно приготовить – очень вкусно.

Уулунгу приготовил змеюку правильно: насадил кусочки мяса на палочки вперемежку с плодами уиу и поджарил на костре. Каждому чучуку досталось по две палочки, и они жадно ели, вытирая жирные мордашки руками. Принёсшие мясо крау сначала наблюдали за трапезой молча, а потом один из них шагнул к костру – пригоршне угольев в яме, тускло мерцающих в ночной темени – и тронул Алису за плечо, что-то бормоча по-своему. Глаза крау, обведённые белыми полосами странно блестели.

Алиса непонимающе уставилась на человека. Чучуки замерли.

Но тут второй воин тронул товарища за плечо. Крау отмахнулся и успокоился только после резкого окрика вождя, позволив товарищу увести себя куда-то во тьму, где тускло мерцали костры, сложенные в вырытых ямах.

Спали все вместе на подстилке из листьев. Уулунгу и Качаджаро по очереди выходили на помощь крау – поддерживать костёр в центре стоянки и Качаджаро разбудил чучуков поутру, когда крау и след простыл.

...Стылое туманное утро. Холодно. Ветер с моря разгонял

туман, ключьями цеплявшийся за кусты подлеска. Они позавтракали холодным змеиным мясом, запили водичкой из родника и, вытянувшись в цепочку, продолжили путь. Пройти предстояло что-то около двадцати километров – вроде немного, но путь лежал по тропическому лесу, выросшему на плодородном слое, нанесённом, намытом поверх застывших потоков магмы из конуса потухшего вулкана, чьи заснеженные вершины нависали над островом. Дорогу приходилось прорубать в густом подлеске, обходить рощи деревьев, раздвинувших огромные куски базальта с острыми краями. Приходилось поминутно озираться, выглядывая и выслушивая в лесной чаще желающих поохотиться на двуногую дичь. Хотя случаев каннибализма за всю историю наблюдений люди Города не зафиксировали, дядя Иося говорил о подозрительных костях на старых стоянках.

После скудного обеда, десяток маленьких ямарунди, пройдя ещё немного, сгрудились у небольшого пруда на границе самой большой загадки острова.

Ча Мам, Два Брата – вулкан, огромный вулкан, поднявшийся в незапамятные времена из океана. Миллионы лет извержения заливали потоками лавы, выделявшей пористое вулканическое стекло – пемзу – при застывании. Вулканический пепел засыпал базальтовые плиты, – и пемза, и пепел со временем превращались в плодородную среду для семян растений, намытых океаном, принесённых на лапках птиц. Растения росли, погибали, образуя гумусовый слой, в кото-

ром прорастали новые представители флоры, влажный жаркий климат на юго-восточной оконечности острова, где ветер с океана компенсировался тёплым течением, превращали почву в торфяники. Северная и северо-западная часть острова почти полностью покрывала невысокая трава – тёмно-красные степные почвы не давали прорасти деревьям.

Плодородный слой на острове лежал на базальтовых плитах и стоило только островитянам вырубить чуть больше деревьев или расчистить поле чуть больше дозволенного, как почву смывали дожди или сдувал ветер. Сказка о том, как пришёл большой голод, и на всём острове осталось с десятков ямарунди и столько же крау, передавалась из поколения в поколение, как и табу на вырубку деревьев.

«Ну и откуда здесь болото тогда? – восклицал дядя Жена, бегая по комнате и смешно размахивая руками. – Это же типичное мезотрофное болото атмосферно-грунтового питания! Объясните мне, откуда на базальтовых плитах болото?.. Торфяник – хорошо, может быть, гумусовые горизонты с фульватным составом – они и должны тут быть, всё равно мощность этих горизонтов так себе... Но болото!..»

Болото. Цепь водоёмов, затянутых ядовито-зелёной ряской. Деревья йеси, растущие прямо из воды или на островках, поросших вьюнком и кустами с широкими листьями. Йеси здесь другие, высокие, воздушные корни собраны в пучок, подпирающий основной ствол, выносящий крону дерева на высоту птичьего полёта. Только птичьих гнёзд на йеси

нет. Не селятся здесь птицы. Многие деревья погибли, стоят с голыми стволами, обглоданными насекомыми, бессильно тянутся к солнцу голые ветви, трухлявые останки прежних красавцев валяются в воде, образуя непрочные мостки между островами. Под ними и живут гун-ич'ак. Лови да в мешок.

На самом болоте загадки только начинаются: съёмка с дрона показала, что цепь водоёмов тянется, подчиняясь некоему плану, запруды и островки образуют некое подобие улиц и площадей. Прогалины и поляны, на которых не сумели зацепиться корни деревьев, образовали базальтовые плиты правильной формы, заросшие вьюнком. Научная секция города штурмовала администрацию, требуя отправить экспедицию на болото, и раз за разом получала отпор.

– Пойми, Женя, – говорил отец, – мы не полноправные жители этого мира. Здесь есть жизнь – разумная жизнь. Прежде чем исследовать, прежде чем вообще хоть что-то делать, надо понять нашу миссию здесь.

– Чего там понимать? – горячился Евгений Сергеевич Баландин, руководитель секции напланетных исследований Многофункциональной транспортной платформы «Хайв Квин». – Мы прилетели сюда. Нас послала Земля. Наша задача выжить и принести домой новое знание. Чего ещё?

– Хорошо, – отвечал папа. – Может быть. А ты можешь поручиться, что наша деятельность принесёт благо коренным обитателям Эдема? Мы пришли – и ушли. А им дальше жить.

И вот тут дядя Женя умолкал.

Стайка детишек стояла на берегу пруда, затянутого ряской. Тишина окружала их, обволакивала, очертания деревьев, островков, водоёмов терялись в знойном мареве. Откуда-то из глубин болота поднялись пузырьки газа, негромким: «Бульк...» – заставив Алису вздрогнуть.

– Пошли, – голос Затейника прозвучал хрипло, неуверенно и мальчику пришлось откашляться:

– Пошли! Наберём гун и обратно. Заночуем в йеси.

– Где брать? – спросил Качаджаро.

– Да вон дерево, – кивнул Затейник.

И никто не двинулся с места. Тишина давила на плечи, смрадный дух гниющих растений отбивал всякое желание шевелиться, кривые ветви поваленных деревьев издали казались ожившими мертвяками, вставшими на защиту трясины...

– Пошли! – Уулунгу прыгнул на ближайший островок, покачнулся, схватился за ветку...

Удержался.

– Ух!.. Вот, вижу одного... Давайте мешки, – обернулся братик к чучукам.

– Подожди, – сказал Затейник. – Нельзя их руками-то...
Надо палку.

Чучуки зашевелились. Одни принялись рубить молоденькие деревца, готовить ловушки, другие разворачивали мешки, третьи запрыгали по островкам, высматривая гнёзда гун-

ич'ак.

– Давайте, набиваем мешки и ищем ночлег, – командовал Затейник. – С болота надо уходить, ночевать здесь незачем...

Над стайкой детишек поднялась целая туча насекомых.

«Ещё загадка, – говорил дядя Женя. – Змеи, комары – это ведь не эндемичные обитатели. Кто-то привёз сюда это всё – кто?..»

Маленькие ямарунди не обращали внимания на кровососов, а Алиса сорвала ветку с ближайшего йеси и принялась махать ею – маленькие мошки не собирались щадить гостей с других планет.

– Ты что там размахалась? – спросил Уулунгу с соседнего островка. – Давай мешок.

– Иду, – Алиса попробовала ногой трухлявый ствол дерева, пробежала по деревяшке, упав прямо в объятия Уулунгу. – Ой!..

– Держу, – пропыхтел братик. – Ну давай, Солнышко, держи мешок...

Уулунгу прижал расщеплённым концом палки выползшую из-под дерева змеюку, свободной рукой выудил из-за пояса каменную дубинку и шлёпнул по плоской голове со сложным рисунком. Вытянул длинное узорчатое тело из-под ствола, подкинул вверх и ловко засунул в мешок, представленный Алисой.

– Вон ещё... – Уулунгу замер.

– Где? – спросила было Алиса и остолбенела.

С упавшего дерева, по которому только что пробежала девочка, на них смотрел хара.

«И хищники, – продолжал дядя Женья, – для них тут нет кормовой базы, элементарно... Откуда они?..»

Мощное тело, покрытое короткой бурой шерстью, кудлатая башка, будто сложенная из камней, разверстая пасть с клыками...

– Кыш!.. – Алиса хлестнула чудище веткой, которой мигну назад отмахивалась от мошки.

Хара рыкнул – довольный рык охотника, заставшего жертву врасплох, прозвучал как-то удивлённо, будто хищник не ожидал, что его, ужас джунглей, так вот... Веткой. Зверь подобрался, готовясь прямо с бревна броситься на двуногую дичь, готовясь терзать, рвать податливую плоть острыми клыками.

Ни Алиса, ни Уулунгу не могли этого видеть – а остальные чучуки и без того напуганные харой превратились в изваяния: из протоки, чью глубину никто никогда не мерил, из ряски и тины со слабым всплеском раскрылся огромный плавник. Бледная кожа, пронизанная сосудами, разделённая перепонками с костяными шишками в наверху...

Огромное тело выметнулось на белый свет; чудовищная пасть сомкнула клыки, перехватив прыжок хары. Удар взметнул фонтан чёрной воды вперемешку с обломками де-

рева, вырванными с корнем кустами, Алиса и Уулунгу полетели в воду. Плавник змеи – или рыбины? – скрылся на глубине, меж островков мелькнуло что-то тёмно-зелёное, чешуйчатое, ещё раз плеснула вода – и всё стихло.

...Кашляя и отплёвываясь, Алиса выбралась на берег. Чьи-то руки подхватили её – и девочка рванулась бежать... Качаджаро.

– Уулунгу, руку! – Затейник и Чунту тянули руки братику, лежавшему в воде у самого островка.

Уулунгу смотрел на них, разевал рот, пытаясь что-то сказать и никак не отвечал на зов. В конце концов, мальчики плюхнулись в воду, выволокли товарища на бережок.

Хара дотянулся-таки до своей добычи: ужасные когти хищника выдрали кусок мяса из бедра Уулунгу, так что стала видна кость. Чучуки застыли. Качаджаро опомнился первым:

– Надо уходить отсюда! – он схватил за руку Чунту, потом Затейника. – Хватайте и бежим!

Его голос словно разбудил детей: Цасси сорвала лист уиу и приложила к ране, пытаясь остановить кровь, Чунту поднял набитые гун-ич'ак мешки, напоминая о цели их путешествия.

– А гун-ич'ак? – медленно, как во сне спросил Затейник. Чунту сунул ему один мешок.

– Бери. Всё, остальные несут Уулунгу.

– Стойте! – крикнула Алиса. – Он умрёт!

Чунту непонимающе посмотрел на неё:

– Умрёт. Но мы донесём его. Иначе Джихань нас выгонит в йеси.

– Надо обработать рану, – Алиса рванула с пояса сумочку с аптечкой. – И связать волокушу.

– Что?!

– Носилки. Берите большие ветки и делайте носилки.

Качаджаро внимательно посмотрел на девочку, уже повернувшуюся к братику, и, пожав плечами, принялся рубить молодое деревце, очищать ствол от веток...

Алиса развернула жгут. Затейник внимательно наблюдал за её действиями, а она...

Руки тряслись. Ей показывали фотографии, учили перевязывать манекены, даже делать себе повязку научили, но одно дело перевязывать манекен, другое – когда вот так...

Маленькая девочка закусила губу и склонилась над братиком. Слава богу, кровотечение венозное, дядя Женя объяснял ей разницу: кровь вытекает медленно, она тёмная, густая. Нужна давящая повязка ниже раны, как на манекене. Рану промыть от болотной воды... нечем. Нет чистой воды. Стерилиум по краям, салфетку на раневую поверхность...

Уулунгу дёрнулся.

Шины из веток приматывали к ноге, повиснув на Уулунгу всей компанией. Мальчик то дрыгал ногами, то выгибался в дугу, так что и к волокушам его пришлось привязывать.

Как они выбрались с болота – Алиса не помнила. Уулун-

гу потерял сознание и обмяк, став вдвое тяжелее. Перетаскивать его с островка на островок приходилось, передавая с рук на руки, чучуки выбивались из сил, перемазались в грязи и разодрали одежду, так что, выбравшись на землю все просто упали кто где стоял.

– Мы не дотащим его, – сказал Затейник.

– Джиханю скажешь, – отозвался Чунту.

– Темнеет, – сказала Цасси.

– Сделаем факелы, – сказал Качаджаро. – Из сумок. Из одежды. Вершину Ча видно допоздна, немного передохнём, когда совсем стемнеет – и дойдём.

– Хорошо, – сказал Затейник. – Давайте факелы...

Но выполнить задуманное чучуки не успели: вокруг них внезапно появились люди.

Из-за деревьев, из зарослей кустов поднялись воины с деревянными палицами, усаженными кусками обсидиана. У каждого – татуировка на лице, у каждого – длинные волосы, заплетённые в косички, так что плетёный нагрудник с торчащими во все стороны лохмами казался продолжением причёски. Каждый носил широкий матерчатый пояс со сложным узором, пояс поддерживал набедренную повязку, свисавшую юбочкой сзади.

Качаджаро схватился было за копьёцо – куда там, детская игрушка, предназначенная скорее для охоты на рыб, как давешнее двузубое копьё крау, выглядела жалко по сравнению с палицами пришельцев.

– Набах, – выдохнул Чунту.

Набах. Обитатели северного побережья острова.

Один из воинов не спеша подошёл к наспех связанным носилкам с лежащим на них Уулунгу. Голову северянина украшала сложная причёска с торчащими буквой V перьями агавы, в ушах при каждом шаге покачивались узорчатые серьги и на шее висел медальон, формой напоминавший человечка с изумрудами вместо глаз. Воин оглядел сбившихся в стайку чучуков, стонущего на носилках Уулунгу. Татуированные губы северянина скривились, отчего и без того свирепое лицо стало ещё страшнее; воин что-то гаркнул на своём наречии.

Алиса нажала кнопку. Операторы в Городе видели каждый её шаг – к Людям девочку отпускали обвешанную с головы до ног датчиками, камерами; пока Алиса гостила у ямарунди, над островом по очереди летали дроны. Папа видел их встречу с крау, как они подошли к болоту, как собирали змей и встретили хару – за всё это время Алисе казалось, что из свалившихся на её голову приключений она выберется с помощью друзей-чучуков.

Холодный оценивающий взгляд воина набах лишил её последних остатков уверенности в своих силах.

Два воина перехватили носилки с Уулунгу.

– Куда?! – внезапно даже для самой себя крикнула Алиса. – Что вы делаете?..

Она кинулась к вождю и схватила его за руку.

– Он же ранен, на нас напали... – от волнения девочка перешла на русский.

Вождь что-то рывкнул ей в лицо. Поднял палицу свободной рукой. Уулунгу уже тащили в сторону. Остальные воины почему-то не двигались с места, чучуки также сидели неподвижно, не смея поднять взгляд.

– Послушайте... – Алиса отпустила руку вождя и сбивчиво, путая слова, заговорила на языке Людей: – Послушайте... мы... нас... напали хара... братик ранен... пожалуйста...

Вождь взмахнул палицей. Раздался хлопок. Алиса вздрогнула.

Воины набах изумлённо залопотали по-своему: из-за деревьев показались фигуры в зелёном камуфляже, в шлемах, с автоматами в руках. То есть, Алиса знала, что это автоматы, оружие, для местных это были палки дымные какие-нибудь. Но одна такая палка только что разнесла в щепки оружие вождя, и он стоял сжимая в руке бесполезный обломок, непонимающе глядя на приближающиеся фигуры.

Один из автоматчиков, подойдя поближе, повёл стволом в сторону Алисы:

– Это моя дочь! – прозвучало на языке Людей. – Отпусти её!

Никакого языка, кроме языка ямарунди, колонисты с Земли так и не выучили, хоть и составили для Людей алфавит.

– Кто-нибудь знает их язык, ребята? – спросил папа. – По-

могите вапаулани.

– Я знаю, – Затейник, ну конечно.

– А чего молчал? – не выдержала Алиса.

– А с ними нельзя разговаривать. Они сразу драться начинают, – ответил Затейник.

– Вот и скажи ему, что не стоит с нами драться, а это моя дочь, – сказал папа. – Скажи ему, что мы знаем огонь.

– Не нужно нас пугать, вапаулани, – голос вождя всё ещё звучал как рык хара. – Забери свою дочь.

Его пальцы разжались. Алиса бросилась к отцу, спрятавшись за штаниной, как раньше, когда он притаскивал какую-нибудь диковинку с острова и вместе с дочерью шёл в лабораторию.

– Как ты, маленькая? – спросил отец. – Они тебя не обидели?

– Нет, – ответила Алиса, – только Уулунгу унесли.

– Что вы собирались сделать с мальчиком? – спросил отец у вождя.

– Лечить, – пожал плечами тот. – На такую рану нужно положить сначала пициль, а потом дать раненому кучу. Если наутро человек выздоровеет – дать ещё кучу. Нет – такова воля Таки.

Он провёл ребром ладони по лбу сверху вниз. Воины повторили его жест.

– Тащите обратно, – сказал отец. – Это сын моего большого друга. Я буду лечить.

Белый свет ударил по глазам. Змей попробовал моргнуть – получилось не сразу. Глаза резало, и он попытался протереть их, но руки не слушались, и он забился в страхе, что так и останется один на один с этой резью, беспомощный...

Вместо сияющей белизны, расплывающейся от набежавших слёз, всё поле зрения закрыла чья-то голова. Человек склонился над постелью, придерживая Змея, извивающегося под ремнями. Зелёный колпак на голове, нос и рот прикрыты маской так, что и не поймёшь – мужчина это или женщина. Маска двигалась: человек что-то говорил, но слух Змею вернулся не сразу, это пугало вдвойне, и он бился в ремнях, всё ту же стягивавшихся от каждого движения.

– А ну, тихо, пациент!.. – медсестра потеряла терпение, а к пациенту как раз начал возвращаться слух. – Что сопли распустил, мычишь, бьёшься мне тут...

Змей затих. Глаза наполнились слезами и резь ушла; вернулся слух – он слышал шаги людей, какие-то шорохи во круг, короткие разговоры; он мог шевелить руками-ногами и медсестра, внимательно глянув на пациента, ослабила ремни предупредив:

– Не вставай. Всё равно не сможешь.

– Я... – Змей попробовал шевельнуть распухшим языком. – Мне...

– На тебе подгузник, – медсестра поняла его и так. – Пить пока нельзя. Надо посмотреть – у тебя гортань с желудком на месте вообще.

Змей затих.

Неподалёку кто-то бился в ремнях. Сначала молча, слышно было только как ходуном ходит койка, потом послышались хрипы и наконец раздался дикий вой.

– Хорошо кричит, – сказал кто-то подле Змея, – жизнеутверждающе.

Вой утих. Кто-то тихонько заплакал.

Каталка со Змеем двинулась. Задрезбуждали колёсики, перед глазами замельтешили плафоны. Каталка остановилась, откуда-то возникла светящаяся дуга, мазнула светом ноги, голый живот, грудь, полыхнула зарницей в глаза – медицинский сканер. Снова колёсики.

Ремни ослабли.

– Встать, – безразличный мужской голос.

Змей сел. Двигался он осторожно, но голова всё-таки закружилась и к горлу подступил комок. Змей опустил ноги на ледяной пол.

Комната. Большая комната с белыми стенами, залитая светом люминофорных ламп. Змей оказался перед длинным столом, заставленным мониторами, принтерами, заваленным бумагами. Поверх всей этой оргтехники на вновь прибывшего смотрели люди. Пять или шесть человек, разглядывали Змея, как только что купленный инструмент, словно

решая, положить попку на приготовленное место, или отнести на замену...

– Имя? – каркнул коротко стриженный мужчина в центре.

– Антон, – язык ворочался с трудом, горло словно обручем сдавило.

– Фамилия? – Будин.

– Должность? – Старший оператор поста охраны...

– Удовлетворительно, – произнёс женский голос.

– В ту дверь, – махнул рукой мужик, – одеться, ждать указаний.

Змей двинулся в указанном направлении. Ноги не слушались, колени то не хотели сгибаться, то норовили согнуться не вовремя – он чуть не упал у дверного проёма, и стоял почти минуту, упёршись в стену. Благо в новом помещении, низеньком и тесном, стояли скамейки вдоль стен и Змей только плюхнулся на деревянную лавку, как тут же раздался окрик:

– Куда?! – посередине помещения стояли столы с наваленными тряпками. Из-за куч торчала всклокоченная шевелюра менеджера.

– Куда ты шлёпнулся, солдатик?.. – повторил менеджер, обильно сдабривая речь крепкими выражениями. – Оденешься, или так и будешь голой жопой сверкать? Сюда иди!..

Змей поплёлся к столу. Менеджер, плюгавый коротышка, воззрился на него поверх монитора компьютера. Блеснули стёкла очков.

– Глаза сюда давай, – Змей покорно сунулся под сканер. Коротышка глянул на экран.

– Давай выбирай бельишко... Ну чего встал?

А Змей смотрел во все глаза: рука, державшая сканер, была серой. Не белой, как у людей, месяцами не покидавших помещения, не розовой или коричневой от загара, а именно серой. Искусственная кожа. Серой была и вторая рука менеджера, и шея до подбородка – Женька до беременности работала медсестрой в трансплантологии и Змей видел её пациентов, когда забегал с дежурства принести жене вкусняшек или проводить с работы. Перед ним сидел человек, заново выращенный в пробирке. Даже очки на поверку оказались роботизированным комплексом поддержки зрения – что-то случилось такое, что обычная операция на зрении или даже пересадка глаз не спасала.

– Так вот, парень, – совсем другим голосом сказал человек. – Бери бельишко, иди к своим.

Сначала справили Новый год. На Муроме цвела весна, далёкая Земля гуляла летние отпуска. Выплаченных под НГ премиальных хватило на роскошный стол, хватило на баб из местного борделя; душевные беседы и дружеский мордобой – бесплатно.

Змею на пару с Керимом не повезло (или повезло?.. Не понять было, где в этом Богом забытом месте везение, где непруха) патрулировать промзону как раз на самый праздник. Вот Керим никаких сомнений не испытывал, испыты-

вал он лишь жажду до женского пола и с самого прибытия желал познать – правду говорят, что у местных поперёк или нет.

– Эх, Антоха, – вздыхал он, застёгивая респиратор, – криво мы сделали, что сюда записались, точно тебе говорю...

– Раньше-то чем думал?

– ... – ответил Керим. – Я им всегда думаю, ты же знаешь.

– Знаю, – Змей перехватил карабин. – Давай: связь?

– Отчётливо.

– Оружие?

– Готов.

– Пошли?

– Пошли.

Отделение с их взвода, разбитое попарно, сопровождало охранников. Вертухаям к полувоенного покроя одежде полагались только дубинки да респираторы, и после нападения местных племён, когда смену охраны порубили в капусту, патруль стали вооружать, а потом усиливать новичками в новеньком камуфляже и с замашками профессиональных солдат. Охранники Топико смотрели на новичков со священным ужасом: ничего подобного свирепой муштре на Русском они знать не знали, более того, ни про какого Иваныча с Балджем или Дегалюта с Вэнем слыхом не слыхивали...

Ладили с трудом – с одной стороны, вид операторов в полной амуниции с винтовками в руках (ну чисто терминаторы) придавал уверенности в себе. С другой стороны, каждый шаг

бойца записывался тремя независимыми регистраторами, во время патруля снимать дыхательную маску запрещалось, а вне службы контакта с охраной не было. Разговаривать с громадной фигурой, отвечающей тебе металлическим голосом, равнодушно зыркающей визирами шлема – много не наговоришься, охранники лишались законного приработка и обижались, но терпели: под сабли не хотелось.

– Смотрите там, ребята, – напутствовал их Колёк.

Смотреть не на что: какие-то здания, башни, переплетения труб, чахлые деревца, по зиме голые, заметаемые то песком, то снегом. Иногда среди промышленных сооружений ночной темнотой проглядывал чужой мир – по пустыне двигались какие-то огоньки, пропадали, появлялись вновь, заставляя вспоминать страшные сказки, рассказанные на инструктаже. Змей сжимал рукоятку карабина, оглядывался на подопечных, но вертухаи топали себе, помахивая дубинками, светили фонариками в какие-то крысиные углы, иногда лазили под трубами, знаками показывая «пехоте»: «Смотри!..» – они брали оружие на изготовку, и каждый раз впустую, опасности не было.

– Долго там ещё? – Керим нервничал.

Перед самой отправкой один хохмач из медслужбы, видимо, решив проявить творческие способности, намазал гелем брови, а вернее, одну громадную бровь Керима так, что редкие волосики образовали матерное слово. Керим увидел себя в зеркало и атриум Установки захлестнула ураганная

драка, прекратившаяся только после залпа огнетушителей. После этого Балдж, построив мокрых, дрожащих от холода бойцов, по своему обыкновению хитро улыбнулся и чиркнул картридером Керимов паспорт, обнулив медицинскую страховку: теперь драчуну предстояло самую пустяковую царапину оплачивать из собственного содержания. Керим нервничал, озирался по сторонам, за ним заводился и Змей, высматривая опасность среди пляшущих ночных теней. Впрочем, в стороне, откуда маленький отряд выступил в дозор, лавина света разгоняла призраков ночи.

Диантум, город, выстроенный Топико для своих работников. Там, у Главного шлюза, стояли скучные здания отдела охраны, там в трёхэтажной казарме, они жили.

Дом.

«Город-сад в пустыне, построенный с учётом настроений местного населения в стороне от основных караванных троп», – нагло врал буклет Топико. Диантум выстроили в одном из оазисов *именно* на караванной тропе, тысячелетия служившей транспортной артерией между юго-западной оконечностью материка и внутренними районами. Испокон века среди рощицы чахлах деревьев находили приют уставшие путники, вёдшие неспешные беседы у мерно журчащего родника, а теперь люди со звёзд подняли глубинные пласты, устроив централизованное водоснабжение, отгрохали многоэтажные здания, и караванщики, ведшие свои корабли пустыни мимо Диантума, разинув рты, глазели на диковинные

строения, укрывшиеся за рассыпающимися солнечные зайчики стеклянными панелями.

Зимой холодно, летом жарко... по местным меркам. Муромцам жара казалась недостаточно жаркой, а холод просто-таки ледяным – мёрзли они тут. В костюмах терморегуляторы на полную, в распоряже обогреватели, тёплое бельё и два одеяла на кровати, хоть и обещало начальство, что через месяцок к этой холодрыге привыкнут все. А пока... Воздух, сухой, колючий, резал горло; песок забивался под одежду, под шлем, в ботинки, в оружие. Бойцы чесались, поминутно прикладывались к фляжкам с водой проклиная начальство, корпорацию, Землю, чёрную жигу-нефть, приведшую их в этот богом забытый мирок. Весной только среди барханов окружавшей Диантум пустыни пробивалась зелёная травка, цвели дивные цветы, за которые город и получил название, ласково улыбалось солнышко. Всё остальное время среди песчаных дюн завывал противный ветер, забрасывавший стройку песком и после первой же песчаной бури город накрыли стеклянным куполом – иначе ни жить, ни работать здесь не получилось бы. С тех пор красивое «Диантум» никто не вспоминал – Пузырь, так звали работники Топико своё временное пристанище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.